

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Алабине

Вспоминаю 60-е годы...

Конечно, можно было бы остановиться на более ранних временах, но самые напряженные события, связанные с церковной жизнью, происходили именно за последние пятнадцать–семнадцать лет. Я сейчас вспоминаю прежде всего 1960–1961 годы. Я служил в это время в церкви в Алабине, в селе Петровском (под Москвой, по Киевской дороге), и именно там до меня дошли первые слухи о том, что Патриархия решает все права и полномочия по отношению к приходам передать так называемым церковным советам, или «исполорганам».

Это вызвало некоторое смятение среди духовенства; были протесты. Эти протесты особенно усилились, когда появился указ Патриарха¹ о том, что отныне вся хозяйственная часть и практически вся власть — вся административная сторона — переходит к светским лицам, которые якобы избраны от лица «двадцатки». Отец Игорь Малюшинский² — был такой известный и уважаемый протоиерей в Москве — написал Патриарху письмо (я его лично не видел, письмо это было частным, не открытым). В нем говорилось: «Ваше Святейшество! Положение об управлении Церковью было принято на Соборе 1945 года, и единоличным Вашим актом невозможно отменить постановление Собора».

Против постановления Патриарха выступил и архиепископ Ермоген³ — человек, пользовавшийся большим уважением. В эпоху хрущевских гонений он умудрился не закрыть ни одного храма и,

¹ Патриарх Алексей I (Симанский) (1877–1970), предстоятель РПЦ с 1945 по 1970 г.

² Прот. Игорь Малюшинский, обновленческий священник, в 1934 г. арестован по одному делу с А. Э. Красновым-Левитиным.

³ Архиеп. Ермоген (Голубев) (1896–1978). С 1953 г. епископ Ташкентский и Средне-Азиатский. В начале 1957 г.

выстроил в Ташкенте большой храм. В 1963–1965 гг. архиепископ Калужский и Боровский. О его выступлении против постановлений 1961 г. летом 1965 г. и предшествующей «диссидентской» деятельности см.: Н. Костенко, Г. Кузовкин, С. Лукашевский. «Трудное житие архиепископа Ермогена». — В журн. «Христианство в истории», 1995, № 6 (IV).

Архиепископ Ермоген (Голубев)

собственно говоря, потерял кафедру потому, что отказался закрыть один храм. Ему уполномоченный говорил: «Ну, закройте вы один храм, и вам будет повышение по службе, и вас оценят...». Он сказал: «Нет». Его стараниями собор в Ташкенте был не только отремонтирован, но и расширен, и увеличен во много раз, собственно — построена заново церковь. Сам он — выпускник нашей Академии, учился еще у Флоренского и писал кандидатскую работу на тему «Психология мученичества по раннехристианским текстам». Человек аристократичный, высокого роста, худой, с длинными седыми волосами, архиепископ Ермоген

имел очень высокое мнение о епископском звании и считал, что епископ действительно должен быть владыкой Церкви. Юной он был души, несмотря на свои преклонные годы, всерьез принимал многое, что на самом деле вообще-то даже не стоило принимать всерьез.

И вот он собрал несколько епископов — если не ошибаюсь, восемь¹, среди них, по-моему, был владыка Павел Голышев (Новосибирский)², который сейчас эмигрировал, остальных я сейчас не помню, но это, в общем, уже известно. Они написали Патриарху письмо³ с протестом против этого незаконного решения. Патриарх вызвал архиепископа Ермогена, началось давление на него. Все остальные епископы сняли свои подписи, и он остался один — как бы так, чтобы не создавать скандала и соблазна. Ну, думали, что теперь все это дело утихнет. Но, очевидно, те, кто задумал это мероприятие, поняли, что таким,

¹ На самом деле десять.

² Архиеп. Павел (Голышев) (1914–1979). В 1919 г. был увезен родителями в Бельгию, окончил Православный Богословский институт в Париже, в 1947 г. вернулся в Россию, с 1964 г. был архиеп. Новосибирским и

Барнаульским, осенью 1975 г. вернулся в Бельгию, где жил до своей кончины.

³ О. Александр переставил события: письмо архиеп. Ермогена было написано не до Собора 1961 г., а через четыре года после него.

«партизанским», способом добиться ничего нельзя, и надо сделать все более законно. Был стремительно собран Архиерейский собор, который уже, казалось бы, имел право аннулировать постановления Собора 1945 года¹, и, как известно, он принял решение о перемене в управлении церковной общиной. Я не буду рассказывать об этом Соброре, потому что о нем рассказывали многие и писали о нем многие. Важно, как это отразилось на приходах.

Начать с того, что этот Архиерейский собор, в общем, никаким собором-то и не был, потому что собравшиеся архиереи даже не понимали, о чем идет речь. Они служили всенощную, устали, их собрали, дали им быстро подписать постановление, все это произошло мгновенно. Архиереям это преподали в таком виде: ну зачем священникам заниматься разными хозяйственными делами — пускай это делают старосты. Постановление никто не понял толком, поскольку архиереи у нас в приходской жизни разбираются слабо. Многие из них никогда в жизни не служили на приходах. Я слышал, что где-то на Западе каждый год епископ проводит некоторое время на приходе в качестве рядового священника. Если это правило существует², то оно очень хорошее. У нас многие архиереи весьма туманно себе представляют, чем занимается священник на приходе, поэтому многие из них легко согласились с реформой. Те же, кто заведомо не пошел бы на это — например, владыка Лука (Симферопольский)³, — по тем или иным поводам были не допущены до Собора. Надо сказать, что Патриарх сам не хотел реформы, но, поскольку он был очень стар и его мысль была уже основательно задавлена склерозом, его можно было убедить в чем угодно, и в конце концов он согласился и даже стал считать, что это хорошая идея.

Я понимал, конечно, как реформа может ударить по приходам, как вульгарно выглядит это заключение договоров со священниками, как нелепо предоставление старостам каких-то огромных полномочий... Но — тут есть и совершенно другая сторона. По моим тогдашним

¹ Собор 1945 г. был собран в связи со смертью патриарха Сергия (Страгородского). Архиерейский собор 1961 г. внес изменения в четвертый раздел «Положения об управлении Русской Православной Церковью», принятого в 1945 г. Изменение это облегчило процедуру закрытия храмов — так, на 1.1.1961

в стране действовало 11 616 церквей, а на 21.8.1963 — лишь 8 314.

² Кодекс канонического права Западной церкви не содержит такого правила.

³ Свт. архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961), архиепископ Симферопольский и Крымский с 1946 г., умер 11 июня, до открытия собора. Подробнее о нем см. на стр. 192.

наблюдениям (мне было тогда, правда, всего двадцать шесть лет, и служил я в священном сане всего несколько лет; но я и до этого много лет прислуживал, работал в епархиальных управлениях и знал всю, как говорится, теневую сторону)¹, — когда настоятели были господами положения, это было ненамного лучше. Большинство из них не имели достаточно вкуса для того, чтобы украсить храм так, как надо. Храмы расписывались чудовищно. Мы сейчас говорим, что вот, староста не хочет и так далее... А когда не было этих старост, когда старосты были «седьмой спицей в колеснице» — настоятели творили, что хотели. Старики не понимали, что нужно, более молодые — тоже. Поэтому, если вы посмотрите все храмы Москвы — в большинстве своем вы увидите, что там, где не приложили руку светские органы защиты памятников или что-нибудь в этом роде, шла варварская мазня. В самом патриаршем Елоховском соборе стены до сих пор расписаны с немецких и французских гравюр прошлого столетия. И после этого говорят о православном искусстве, об иконописи и так далее! Замечательная церковь Николы в Хамовниках на Комсомольском проспекте, которая как игрушка смотрится, — внутри расписана тоже по образцам Гюстава Доре и Юлиуса Шнорра. Я не против Доре и Шнорра, но все должно быть на своем месте!

Это показывает, что настоятели отнюдь не были идеальными управителями приходов. Многие из них бесконтрольно захватывали церковные кассы, и от этого происходили какие-то совершенно непристойные обогащения... В общем, все выглядело к тем годам нелучшим образом... Я думаю, что все здесь было как-то провиденциально... Когда я прислуживал мальчишкой, то в алтаре стоял такой ящик, сейф, куда клали рубли, — священник запускал туда эти рубли, швыряя как-то так, словно ему уже было все нипочем. Все было бесконтрольно, и време-

¹ В начале 1950-х гг. Александр по благословению схиигумены Марии прислуживал в храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, настоятелем которого был о. Дмитрий Делекторский (ум. 1970). До этого о. Дмитрий служил в храме Вознесения до самого его закрытия. Будучи уже глубоким старцем, он с благодарностью вспоминал архим. Серафима (Батюкова), уступившего ему место для служения

в храме Вознесения, что дало ему возможность выехать с большой семьей из села, куда он был назначен и где наверняка был бы арестован или убит. Вместе с Александром в храме Рождества Иоанна Предтечи прислуживали Кирилл Вахромеев (ныне митр. Филарет) и будущие священники Сергей Хохлов и Владимир Рожков. В студенческие годы Александр прислуживал в храмах г. Иркутска.

Слева направо: Вера Яковлевна Василевская, Ирина Якунина, Елена Семеновна с внуком Мишей, Варвара Фудель (дочь С. И. Фуделя), Александр и Нонна Борисовы, о. Александр с женой Наталией и дочкой Еленой у дома в Семхозе. 1961 г.

нами мне, тогда совсем юному существу, казалось, что они превратили веру в фабрику по производству денег.

В первые годы после войны многие священники проводили в храмах циклы бесед — по Священной истории, по таинствам. Отец Андрей Расторгуев вел толкование Евангелия — отлично вел! Каждое воскресенье вечером он читал небольшие отрывки из Евангелия — последовательно, один за другим, и толковал. Толковал по Толковой Библии¹, которая выходила в издательстве «Странник» (одно из лучших толкований, которое у нас было). Говорил он прекрасно, внятно, все было хорошо. Отец Александр Смирнов² даже получил, благодаря своим связям с органами, разрешение поставить в Николо-Кузнецком храме экран, словно в кинотеатре, — и каждое воскресенье вечером

¹ Под ред. А. П. Лопухина.

² Прот. Александр Смирнов (1888–1950), с 1943 г. ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии»,

в 1949 г. — и. о. ректора МДА. Более 20 лет до своей кончины, настоятель Николо-Кузнецкой церкви в Москве.

показывал цветные диапозитивы и рассказывал Священную историю, толковал таинства; народу набивалось столько, что люди падали в обморок. Но это все было непосредственно после войны, примерно до 1950 года. А потом все стало сходить на нет. Старые священники стали умирать, а новые ничего этого уже не приняли. Но деньги брали — «гребли», как говорят в народе, — с таким же успехом.

Ничего особенно хорошего, следовательно, не было и до этого, и когда впоследствии отец Николай Эшлиман¹ и отец Глеб Якунин² выступили с резкими нападками на Собор 1961 года, — я думаю, что они должны были бы так же резко нападать на Собор 1945 года, который создал фиктивную демократию в приходе. Все эти «старосты» и «помощники старосты» — все они не имели никакого значения; настоятель был всем. Кто в этом виноват? В корне — само положение вещей, потому что «двадцатки» стали фиктивными уже давно. Согласно советскому законодательству, «двадцатка» есть община — то есть никакой «двадцатки» нет, есть община, которая может требовать открытия для

¹ Свящ. Николай Эшлиман (1928–1985). Рукоположен в диаконы в 1959 г. в Костроме, в священники — в 1961 г. митр. Пименом (Извековым); последнее место служения — московский храм Покрова Пресвятой Богородицы в Лыщиковом переулке. Подробнее о нем см. на стр. 112.

² Глеб Павлович Якунин (р. 1934). Окончил Пушно-меховой институт в Иркутске, учился в МДС, из которой через год был исключен по обвинению в присвоении из семинарской библиотеки запретной для студентов книги Н. А. Бердяева «Философия свободы» (хотя вернул книгу по первому требованию). В 1962 г. рукоположен в священники. С 1965 г. активно участвовал в правозащитном движении. Арестован в 1979 г. Освобожден в 1987 г. Избирался народным депутатом Верховного Совета и Государственной Думы. 1 ноября 1993 г. Г. П. Якунин лишен священнического сана Священным синодом Русской Православной Церкви за отказ подчиниться

требованию о неучастии православных клириков в парламентских выборах. Позднее решение Священного синода было одобрено Архиерейским собором РПЦ, пригрозившим Г. П. Якунину отлучением от Церкви в том случае, если он не перестанет «самочинно носить священнические одежды и иерейский крест». Один из создателей в 1995 г. и председатель Общественного комитета защиты свободы совести (г. Москва), который занимается защитой прав верующих. 19 февраля 1997 г. на Архиерейском соборе РПЦ отлучен от Церкви. Впоследствии Г. П. Якунин был принят в юрисдикцию УПЦ КП в священническом сане, а затем перешел в Русскую истинно-православную (катакомбную) церковь. В 2000 г. на ее основе формируется «Движение за Возрождение российского православия», а затем и «Апостольская православная церковь возрождения», где Г. П. Якунин имеет сан протопресвитера.

нее храма тогда, когда в состав этой общины входит не меньше двадцати лиц. В эту общину может войти полторы тысячи, десять тысяч лиц — это неважно. Но должно быть не меньше. А потом это все превратилось в какую-то «двадцатку», совершенно фиктивный институт. Причем обычно в нее набирали каких-то уже полуинвалидных старух — потому что рядовые люди боялись записываться в «двадцатки». И поэтому «двадцатки» были недееспособны, не могли представлять церковную общину. И вот, этот так называемый Собор произошел — и «сменили шило на мыло».

Мария Николаевна Соколова

Признаться, на нашем приходе это не отразилось роковым образом, потому что староста у меня только что умерла, и я посодействовал избранию женщины, которая целиком на меня полагалась. И только благодаря этому нам удалось произвести в храме полную революцию — во внешнем смысле. Я замазал все безобразные изображения на стенах. Дал лучшим иконописцам заменить иконы — почти все сменил, в том числе Марья Николаевна Соколова¹ написала для нас храмовую икону. Но на стенах иконопись я не решился делать, чтобы окончательно не испугать народ, потому что средний простой человек теперь не понимает иконы и ее не любит. И это не результат вчерашнего дня, а результат трехсотлетнего отсутствия иконописи в храмах. Поэтому я сделал осторожнее и расписал стены «под Васнецова». Сам составил весь эскиз. Пришлось пригласить художника из МОСХа². А для этого необходимы были тысячи левых рублей, потому что он не мог расписываться в ведомостях, и у нас было так заведено: одну старуху я ставил на страже — если там кто-то придет, — он быстро залезал на леса и быстро писал, и если

¹ Мария Николаевна Соколова (монахиня Иулиания) (1899–1981), иконописец, реставратор и преподаватель Московских духовных школ. С 1946 г.

до своей кончины практически руководила всеми реставрационными работами в Троице-Сергиевой лавре.

² Это был Борис Иванович Мухин.

кто-то появлялся, я его снаружи там запираю на замок. Но в общем все было благополучно, расписали все стены храма — он мне за месяц Страшный суд васнецовский написал, сзади, во всю стену: я ему дал денег, он съездил в Киев, посмотрел подлинник Васнецова, приехал и с фотографии написал. Позолотили все киоты, замазали Саваофа над иконостасом, переписали весь иконостас, заменили решетки. Купили чешские вазы в виде чаш и сделали из них лампадки; чтобы они не загорали иконы, сделали латунные подставки и эти лампадки из чешского хрусталя на них поставили. Получилось все очень «в стиле». Многое мне сделали резчики.

Я осуществил «изгнание торгующих из храма». Храм был небольшой, построенный князем Мещерским¹ в прошлом веке, и «ящик» просто вынесли из церкви и поставили в притворе. Старосту загородили сплошной деревянной стеной и оставили ей только окошечко. Таким образом она там брэнчала монетами вне храма. А в храме на этом месте мы сделали канон и там служили панихиды. По субботам я объяснял Символ веры, молитвы и службу — день за днем, потихонечку, особенно не рассчитывая, что это будет давать какой-то эффект. Потом в дело включились мои сослужители — отец Сергей Хохлов² и отец Владимир Рожков³ — и тоже с удовольствием это делали.

Конечно, было много всяких хозяйственных задач: провели отопление из церкви и подсоединили его к сторожке, сделали в сторожке отдельную приемную комнату, чтобы там можно было людей принимать, и так далее. На крестные ходы для Пасхи мы набрали массу старых икон, прибили их на палки, и когда было шествие, это выглядело как демонстрация: мы собирали молодежь, человек двадцать, и все они шли впереди — так торжественно... Староста ни в коем случае не мешала, а все предоставляла делать нам. Поэтому на мне вся эта реформа ни сколько не сказалась. Но во многих местах было плохо.

Сейчас я вижу, что на самом деле роковых последствий реформа 1961 года не принесла, приходам хуже не стало. Раньше было абсолютное самоуправство, теперь — относительное. Над священником был

¹ Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), редактор газеты «Гражданин», участник религиозно-философских собраний в Петербурге.

² Прот. Сергей Хохлов (1927–1986), служил в храме апп. Петра и Павла в Лефортово, а в последние годы —

в храме Св. Троицы в с. Наташино Московской области.

³ Прот. Владимир Рожков (1934–1997), настоятель московского Николо-Кузнецкого храма. С 1961 г. — диакон, с 1962 г. — священник.

только архиерей, но он общался с ним через благочинного, а благочинный часто оказывался под влиянием разных «второстепенных факторов», и все это не работало.

Еще один положительный момент. Скажем, у меня ушел настоятель, и настоятелем оставили меня. Прислали отца Владимира Рожкова, которого только что рукоположили. (Мы с ним прослужили немного: через два месяца, соблазнившись «камилавкой», которую ему обещали в Пушкине, он ушел туда.) Служил он сперва с большой охотой, с рвением, и вечером даже проводил беседы (я ему предлагал: «Вот тебе тема — говори!» — и он говорил). То был «медовый месяц» его служения...

Был он тогда небольшой, худенький такой...

Священник Владимир Рожков

Когда он ушел, я стал думать, кого же пригласить в наше «аббатство». Мы в шутку называли наш храм «аббатством», потому что я при этом приходе жил, в саду был столик, за которым я писал свои бесконечные книги, и тут же был весь народ — все было за стенами... Была даже церковная машина. Нам ее случайно оставили — тогда отбирали все машины, — поскольку у нас был большой район (20–30 километров в диаметре) — а в день по пять, по шесть отпеваний. Я всегда это использовал: всегда обращался с речью к народу — на кладбищах, в доме и так далее... Потом это все запретили, но нам разрешили, потому что я применил такую хитрость: когда вышло запрещение ездить по домам отпевать, я воспользовался тем, что надо было отпевать человека в доме сотрудника райисполкома. Тот пошел — не знаю, что он там, бутылку ли поставил, или что, — и принес мне бумажку, что райисполком, в порядке исключения, не возражает. И это был их конец, поскольку если в одном случае не возражает — то люди шли и шли (так что образовалась прямо какая-то контора), и когда меня потом вызвал уполномоченный, метая громы и молнии, я вытащил гигантский ворох этих

Интерьер храма Покрова Пресвятой Богородицы. Иконостас. 1963 г.

Интерьер храма Покрова Пресвятой Богородицы. Западная стена. 2006 г.

бумажек — оказалось, что каждая моя поездка была документирована. «В порядке исключения» они давали разрешения постоянно — у меня их там было около двухсот пятидесяти, бумажек этих.

Мне не хотелось, чтобы в «аббатство» пришел кто-нибудь постоянный, потому что мы уже налаживали там определенный ритм и определенный стиль жизни. Я хотел взять к себе отца Сергия Хохлова, с которым мы вместе прислуживали начиная с 1950 года, — и он ко мне пришел с большой радостью. Но одновременно попросился на это место отец Серафим Голубцов¹, которого я не знал, а, как впоследствии выяснилось, это был, как говорят на советском языке, «матерый провокатор», человек, посадивший массу людей. Все висело на волоске, но я самым невинным образом этого не подозревал. Нас вызвал митрополит Питирим². Сидит Голубцов — я напротив. Митрополит говорит: «Мы вам назначаем отца Серафима, но он старше вас и по службе больше, а вы настоятель...» Голубцов поспешно говорит: «Я пойду вторым». Я отвечаю: «С удовольствием бы его взял, но вот староста у нас хочет такого-то, Хохлова...» — «Ну, раз староста хочет, — отвечает митрополит, — мы ничего сделать не можем...» Тогда ведь только что вышло это постановление... И Серафим «накрылся», так что встретились мы с ним только через много лет.

Сережа пришел — и это было самое счастливое время в его жизни тоже. Служил он ревностно: у него прекрасный голос, он любит службу, именно само богослужение, «культ» — на светском языке. Я заставлял его говорить проповеди — просто выбирал ему хорошие тексты, он ставил аналой (я всегда говорил с аналая, мы сделали деревянную кафедру, на ножке, резную, и когда я говорил, то восходил туда — чтоб «ex cathedra» было дело; он тоже восходил к этой «кафедре») и зычным голосом, лучше, чем владыка Антоний³, которому он подражал по интонациям, начинал говорить — и все было прекрасно. Он был мне большим помощником, хотя частенько опаздывал на службу и любил спать — из-за диабета. Но вообще он ревностно служил, и дай Бог, чтобы всегда у него было так. Я даже поручал ему беседовать с людьми, с народом: он это мог, и хотел, и делал.

¹ Прот. Серафим Голубцов (1809–1981). Рукоположен в 1946 г., в 1964–1970 гг. — настоятель Покровской церкви в пос. Тарасовка Московской области.

² Митр. Питирим (Свиридов) (1887–1963), с 1960 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский.

³ Имеется в виду митр. Антоний (Блюм) (1914–2003), выступавший с проповедями по английскому радиовещанию на СССР.

Отец Сергей был очень смел и помогал мне в украшении храма. Мы предпринимали разные — не только внешние — украшения. Например, написали красивыми большими буквами все молитвы, вделали в рамки — с полметра размером — и повесили все это в притворе храма, а с другой стороны лист: как себя вести в храме, как войти, как стоять — все эти правила. Когда же наш сельсовет строил дорогу, я обещал дать им денег на это дело — в порядке помощи — и со своей стороны попросил разрешения построить на их территории церковный туалет, чтоб не было туалета у нас (а мы были через забор от территории клуба и сельсовета). И на наши деньги сделали у них большой кирпичный туалет с ямой в три метра глубиной; туда народ ходил в калиточку, а после службы туалет запирали. Все было хорошо...

О. Александр, Евгений Барабанов, о. Сергей Хохлов с женой Верой и детьми Андреем, Костей и Олей в Алабине в начале 1960-х гг.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)

Это был 1962 год.

Но в общецерковной жизни все время происходили какие-то кризисы и потрясения. В это время умер митрополит Николай¹. Когда мы приехали на похороны, один иностранец сказал: «Я не ожидал, что его никто не любит». Действительно, никто не плакал. Митрополит Николай был прекрасным человеком, замечательным епископом, но он был одиночкой, он никому не доверял и всю жизнь прожил один. У него была только одна «дама», его то ли крестная мать, то ли воспитательница, из старой аристократии, — это был единственный его близкий человек. И когда митрополит умер, никто, как говорится, не пролил слезинки. Смерть его была

трагической, потому что он сделал все для того, чтобы стать угодным в глазах Совета² и власть предержащих, но в тот момент, когда он перестал быть нужным, он был просто отставлен — и все. Лежал и говорил: «Я ничего не понимаю, не понимаю!..» — он не мог смириться с тем, что человек, которого показывают в советских фильмах, который представлял Советский Союз на бесчисленных конгрессах, постоянно выступая в качестве одного из лучших ораторов, речи которого печатались в «Правде», вдруг лежит в своем деревянном домишке на Бауманской, никому не нужный.

Вскоре после этого и Анатолия Васильевича Ведерникова тоже удалили из редакции «Журнала Московской Патриархии»³, вообще начались какие-то перемены. (Анатолий Васильевич давал мне возможность печатать статьи в журнале Патриархии. Впервые они появились

¹ О митр. Николае см. на стр. 72 прим. 4.

² Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР.

³ А. В. Ведерникова сменил митр. Пити-рим (Нечаев). После 1966 г. при встре-

чах с о. Александром любезно приглашал публиковаться, брал статьи, но ни разу их не опубликовал. О нем см. также на стр. 139 прим. 4.

в 1958 году. Я взял «Сына Человеческого», которого написал в это время, и по главам помещал в «Журнале Московской Патриархии».)

Я чувствовал, что положение ненормально: с епископатом, с «официальной» Церковью у духовенства возникает какой-то внутренний раскол. Мы перестаем им доверять: ведь практически все епископы пошли на эту реформу, все согласились... И вот тогда — в конце, кажется, 1962 года — я решил это положение как-то изменить. Началось все с самой невинной вещи. У меня было несколько друзей-священников, которые не кончили духовных академий; сам я еще только учился в Академии заочно. И вот под этим предлогом я предложил: «Иногда мы собираемся по праздникам, на именины друг к другу ходим, — так давайте будем собираться вместе и обсуждать некоторые богословские вопросы, которые нас конкретно интересуют, а также пастырский опыт, потому что нет у нас академии, пусть нашей академией будем мы друг другу». Все согласились. Входили туда отцы Дмитрий Дудко, Николай Эшлиман, Глеб Якунин, еще несколько батюшек — примерно десять человек, называть других я не буду. Они стали приезжать ко мне в Алабино, иногда мы собирались у них. Разговоры действительно шли именно в таких рамках. Некоторые делились проблемами, которые у них возникают на исповеди, другие говорили о богословских вопросах, которые им задают и они их не могут решить. Но, в конце концов, все свелось к обсуждению того, что же нам делать, когда нет епископов. Сказать, что епископы нас предали, было бы слишком сильно... Но я все время настаивал на том, что Церковь без епископа — что-то ненормальное. Все-таки преемник апостолов — епископ, а мы только его помощники.

Чтобы как-то от этого тягостного состояния избавиться, я написал епископу Ермогену письмо; написал примерно следующее: «Владыка, мы следим за вашей деятельностью в течение многих лет, видим, что вы отстаивали храмы, что вы не согласились с решением этого Архиерейского собора... И хотя мы принадлежим к другой епархии, мы просили бы Вас быть духовно — не административно, а духовно — нашим архипастырем. Тогда мы будем себя чувствовать более нормально в своем церковном положении». Я писал от лица четырех — туда входили Дмитрий Дудко, Николай Эшлиман, Глеб Якунин и я. Владыка (тогда калужский епископ) ответил нам очень приветливо и обещал приехать. И приехал в Алабино, как раз когда у нас шел ремонт храма... Он все обошел, посмотрел, и потом мы посидели вместе.

Во время встречи владыка говорил, что на Московской Патриархии почил печать обновленчества, что, в общем, это те же самые обновленцы, вся программа та же и тот же дух обновленчества, приспособленчества и так далее... В общем, много суровых слов говорил он в адрес Патриархии. Мы все это понимали и сказали владыке: «У нас нет намерения нападать на Патриархию, критиковать ее. А вот вы будьте «нашим» епископом, и когда у нас будут возникать какие-то проблемы, с которыми нужно обращаться к епископу, — мы будем с ними обращаться к вам». На сем мы очень тепло расстались, и жизнь потекла дальше.

Надо сказать, что в это время отец Николай Эшлиман переживал пору своего расцвета. Он тоже был сравнительно недавно рукоположен. Его биография была изложена мною в небольшом очерке, который я пустил по рукам в свое время, когда вокруг отца Глеба и отца Николая был поднят шум и об их происхождении и истории ходили самые фантастические слухи. Чтобы их пресечь, я — правда, не ставя их в известность, — изложил кратко биографию того и другого. Потом это попало в известный журнал¹ и было опубликовано лет десять тому назад.

Отец Николай Эшлиман — это одна из оригинальнейших личностей. Мы с ним встретились в 1956 году и как-то сразу очень понравились друг другу. (Он старше меня года на четыре или на пять.) Николай был аристократ в душе, человек с величественными аристократическими манерами, в нем было что-то артистичное. Он свободно играл на фортепиано, что-то лепил, рисовал — в нем было что-то от богемы. У него один предок был какой-то знаменитый шотландский деятель, другой — грузинский князь²... Мать его — дворянка, тоже из знатного рода. Яблочков, который изобрел электрическую лампочку, — его двоюродный дед... Его жена Ира, очень живая и симпатичная светская особа — внучка известного деятеля Витте. Их комната в доме на Дмитровке — на Пушкинской улице, напротив Колонного зала, — была чем-то вроде салона, где всегда собирались разные интересные люди — пили, говорили, как это в Москве было в те годы принято... Поразительно, кого там только нельзя было встретить.

Он прошел сложный путь богоисканий, занимался мистикой, оккультизмом, пел в храме — у него был прекрасный бас. У Эшлимана

¹ Статья о. Александра «О деле двух священников» была опубликована в журнале «Вестник РСХД» (1970, № 95–96) под псевдонимом «Аркадьев».

² Князь Давид Назаров, выехавший в XVIII в. из Грузии с царем Вахтангом в Россию.

С Еленой Семеновной на Донском кладбище. 1962 г.

были разнообразные знания, все достаточно поверхностные; он был очень обаятельным, исключительно обаятельным человеком, разносторонним и привлекающим всех: все говорили «Николай Николаевич» с придыханием. Когда я еще служил в Акулове, один молодой ученый мне говорил: «Вы знаете Николая Эшлимана?» — и звучало это примерно так, как если бы он спрашивал: «Вы знаете Александра Пушкина?» Я, правда, тогда его не знал. Я познакомился с Эшлиманом как раз у Володи Рожкова, который тогда был студентом семинарии. Воцерковление Николая произошло сравнительно недавно. Я сразу почувствовал в нем интеллигентного, умного человека. Но, как всякий человек барственного склада, он никогда ничего не доводил до конца. Он не закончил своего художественного образования, он немножко играл на фортепиано — играл хорошо, захватываяще, немножко писал... У него были всякие проекты: что-то эдакое перестроить, что-то эдакое создать... (Вообще, он числился художником, расписывал храмы.) Немножко пел. Все у него было понемножку, но все у него получалось очаровательно. Много читал и быстро схватывал: пролистает «Науку

и жизнь» и уже рассказывает так, как будто он специалист. Это человек, от которого все были без ума. И мы тогда с ним очень подружились.

Эшлиман себя нашел в священстве: преобразился — вся муть слетела, как будто ее не было. Досталось ему это трудно. Когда он, просто как певчий храма, просил рукоположения, он стал ходить в канцелярию Патриархии, где заседал тогда архимандрит Никодим, впоследствии митрополит Ленинградский¹. Надо сказать, что владыка отличался тогда — не знаю, как теперь, — чудовищною способностью к канцелярским волокитам. Может быть, намеренно, он тянул Эшлимана в течение месяца. Может, он сейчас думает (если это помнит), что пророчески предчувствовал, во что это выльется, но, так или иначе, Николай каждый день ходил туда, как на работу, и ему отвечали: «Приходите завтра». Но возлюбил его владыка Пимен (Извеков), ныне Святейший Патриарх Московский. Он души не чаял в Николае Николаевиче как певце и вообще был к нему всячески расположен. А сам Николай Николаевич тоже его превозносил и всегда мне рассказывал про него самые трогательные анекдоты. Например, как пришел к Пимену кто-то из канцелярии и пожаловался, что его кто-то там оскорбил — а он ответил: «А если бы в зоопарке на вас плюнул верблюд, к кому бы вы пошли жаловаться?..» Другая женщина пришла и сказала: «Отец Пимен, наш батюшка ходит в уборную и не снимает креста». Он сказал: «А ты, когда идешь в туалет, свой снимаешь?» Или рассказ о том, как Пимен в Лавре построил иконостас, и к нему пришел, кажется, уполномоченный и сказал: «Как вы могли построить иконостас без нашего разрешения?» — «Это мебель, — отвечает Пимен, — все сделано на колесиках, можно зачалить и трактором вывезти». Я не знаю, подлинны ли все эти анекдоты, но Николай их рассказывал с большим воодушевлением, любя деятельного, активного и умного Пимена — это потом Святейший как-то переменялся, здоровье его подорвалось, и все эти качества утратились. И задумал владыка Пимен, тогда только что рукоположенный молодой епископ, рукоположить Эшлимана не мытьем, так катаньем. Он его подговорил поехать в Кострому — он тогда был временно костромским епископом, — там его рукоположил и потом перевел в Москву, как говорится, «ходом коня».

Служение Эшлимана было просто потрясающим. Во-первых, голос. Во-вторых, молитва в нем пробудилась необычайная. Он был человек, всегда склонный к мистическому, он мне рассказывал массу

¹ Митр. Никодим (Ротов) (1929–1978), с 1960 г. председатель ОВЦС, с 1963 г. митрополит Ленинградский и Новгородский.

О. Николай Эшлиман. Служба на кладбище

историй о том, как где-то в алтаре зажглась сама собой лампадка и т. п., в общем, его очень увлекали всякие такие вещи, ну а я относился к этому снисходительно, любя его. Впрочем, я всегда говорил ему, что от мистики такого рода до мистификации всего один шаг. Он с большим вдохновением рассказывал о разных снах, которые видела монахиня, ходившая в его храм, о явлениях дьявола в каком-то образе. Его все это — вообще всякая демонология — сильно увлекало. Но служил он, как редко служат. Проповедовал — отлично! А народ его очень полюбил. Он служил в Куркине, где служил отец Стефан Середний¹ (там большой приход, это, собственно, практически Москва), а потом был переведен в Москву. Я сам присутствовал на его службах и видел, как народ его любит — потому что он был барин в хорошем смысле слова. Прихожане как-то чувствовали в нем «господина» — это сразу психологически ощущалось. Он действительно был господин, и он естественно принимал

¹ Впоследствии прот. Стефан Середний после ухода на покой прот. Григория Крыжановского был назначен настоятелем в Сретенский храм Новой

Деревни, где служил о. Александр, и был настоятелем этого храма на момент записи воспоминаний.

такое к себе отношение. Понимаете, у нас, интеллигентов, психология другая. Вот мы с ним приходим в кафе (это было, когда стали вводить самообслуживание), и я говорю: «Ну, пойдем с подносами». А он: «Нет уж, я этого не могу», — и зовет девушку: «Девушка, идите сюда!» Вся публика стоит в очереди с подносами, а он договаривается с девушкой, чтобы она пришла и обслужила. Не потому, что ему лень было встать, а это было для него органично — я не могу даже сказать, что это было хоть сколько-нибудь дурно. Некий шарм был органически присущ этому человеку. Как говорил Рожков, в Москве было три самых знаменитых гурмана-кулинара, и Эшлиман стоял на втором месте. Какие сверхъестественные блюда он готовил!

С отцом Николаем мы общались в то время постоянно. Собственно говоря, не было никого, с кем бы я тогда был так тесно связан. Причем эта связь стала уже какой-то телепатической. Мы с ним сравнивали, какие проповеди говорили в один и тот же день: мы говорили одно и то же. Создалось какое-то исключительно большое единство. Хотя мы, в сущности, были очень разные люди. Он был обращенный — я был церковным человеком с детства. Он был аристократом — а я никогда им не был. Ну и так далее, и так далее — было много разностей... Но мы действительно стали очень близки. То был период нашей близости, совместной работы, совместных встреч, когда мы обсуждали все церковные дела — приходские в основном. Я настаивал на том, чтобы решать приходские дела: они и есть наша работа в Церкви.

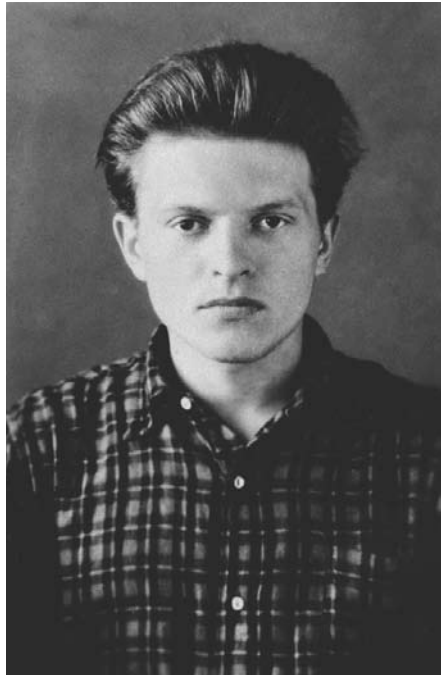
Отец Глеб был совершенно другой человек. Мы с ним познакомились как соученики¹ и потом вместе жили в Сибири. Он в юности увлекался оккультизмом, теософией и так далее, и как-то незаметно при мне христианизировался. Но это человек темпераментный и страстный, которого всегда в основном интересовала борьба. Больше ничего — борьба, и борьба, и борьба! И если когда-то можно было противника сокрушить — для него не было большей радости. Хотя вообще человек он милый и чистой, по-своему, души. В нем до сих пор осталось что-то детское, он все еще играет в какого-то террориста — я имею в виду психологически.

В это время начались самые бурные, самые активные антирелигиозные выступления. Собственно, начались они, когда я был рукоположен. Я как раз попал в струю. 1958 год — вот начало той хрущевской атаки.

¹ Студенты Московского пушно-мехового института.

Начались закрытия храмов, пресса была полна враждебных выпадов, появились первые самиздатские ответы. Желудков написал один из своих шедевров — прекрасное открытое письмо отрекшемуся священнику Дарманскому. Но разгромы продолжались. Начались выступления отреченцев (собственно говоря, им и отвечали Левитин и Желудков). Один из них — некто Чертков¹ — в журнале «Наука и религия» понес меня и мои статьи из ЖМП и написал, что я подделываю религию под науку (хотя я старался все это давать очень сдержанно).

Интересно, что Анатолий Васильевич Ведерников заказывал в специальном агентстве всю прессу о религии. (Есть такое уч-

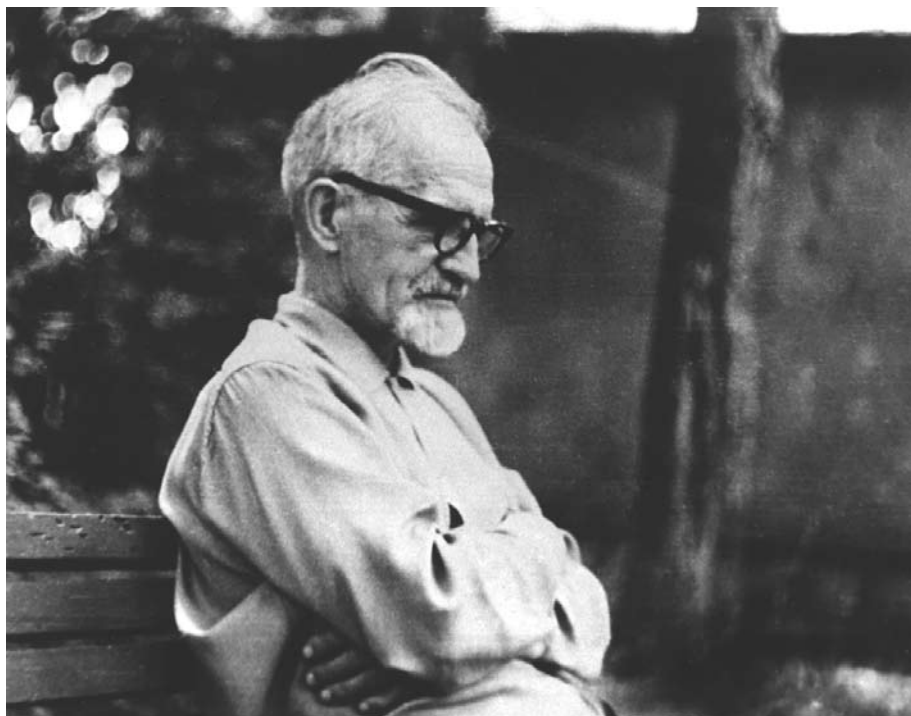

Глеб Якунин. 1959 г. (?)

реждение — я не помню, как оно называется, — где можно заказать всю прессу о... кактусах, например. И это агентство за определенную мзду обязано присылать все соответствующие вырезки.) И вот с этого времени агентство перестало высылать в ЖМП вырезки, потому что их стало столько, что агентство было не в состоянии их собирать. Не было газеты, будь то «Советский спорт» или какая-нибудь местная «Вперед», где бы ежедневно не долбилось, не долбилось... Я подсчитывал: в эти годы антирелигиозная пропаганда дошла до того, что в день выходило по 6,7 названий книг, каждая из которых имела миллионный тираж. В день! Прямо стрельба из «катюш», из минометов... Храмы закрывались при самых безобразных обстоятельствах: вламывались, входили, надевали шапки и бросались тут же все ломать. Я не могу сказать — я это даже

¹ А. Чертков, диакон Всехсвятской церкви в Москве, отрекшись от христианства, стал активно выступать против Церкви в журнале «Наука и религия». В 1962 г. он опубликовал статью «Святой рождественский обман» («Наука и религия»,

1962, № 12) с критикой статьи А. Меня «Тайна волхвов» (ЖМП, 1962, № 1). В статье Черткова библейские пророки названы «пигмеями духа», а А. Мень — «православным фальсификатором».

Анатолий Васильевич Ведерников

отрицаю, — что непосредственно свыше было дано указание закрывать церкви хамски. Было сказано: закрывайте культурными способами, щадя чувства верующих. Но эти олухи на местах — раз начальство велит — стали душить людей. И вот начались грандиозные скандалы, по поводу которых впервые стал основательно выступать Анатолий Эммануилович Левитин-Краснов.

Познакомился я с ним летом 1956 года. Мы случайно встретились в редакции «Журнала Московской Патриархии», куда я пришел к Анатолию Васильевичу Ведерникову.

С Ведерниковым я впервые встретился еще в 1948 году, когда он был инспектором Московской духовной семинарии. Я пришел к нему, желая выяснить, можно ли туда поступить (я кончал семилетку). Молодой, с очень красивым профилем, Анатолий Васильевич сидел в кабинете; там был портрет Сталина — небольшой, без цвета; на аналое лежала большая елизаветинская Библия, и везде — книги. Он сказал: «А, вы еще совсем юный! Вот вы кончите школу, будет вам восемнадцать

лет (а мне тогда было едва четырнадцать) — тогда и приходите». Анатолий Васильевич тогда читал курс истории русской религиозной мысли в Академии, которая находилась еще в Новодевичьем. Через год Анатолия Васильевича сняли, Академию перевели в Загорск, и история религиозной мысли — увы!..

Елена Яковлевна Ведерникова

Этому было несколько причин. Одной из причин была, по-видимому, его женитьба на репатриантке¹. Тогда — было сталинское время — это считалось ужасным преступлением, хотя на самом деле это была рядовая женщина, активная мирянка — парижского прихода, очень промосковской, очень просоветской ориентации. Тем не менее уже вот это его запятнало. Но и вообще, он был человек живой, хотя очень гибкий, так сказать, умеющий всюду устроиваться, но — человек умный, истинно религиозный и, несмотря на известный консерватизм (у него был здоровый консерватизм), — с открытостью к разным веяниям. Таким он остался и теперь — от него всегда самые лучшие впечатления, я всегда его очень любил, и наша семья его очень ценила.

В 1956 году я к нему пришел снова. Тогда, будучи уже на третьем курсе института, я приехал в Москву — зондировал почву насчет поступления в семинарию. Был у владыки Леонида², который меня очень ласково принял. Я ему сказал, что хочу, окончив институт, отработать и подать документы в семинарию, но хочу уже заранее подготовиться: какие есть возможности? Предупредил его: «Я по паспорту не русский, вы учтите это». Он говорит — эдак либерально: «Какое это имеет значение!..» Правда, злые языки говорили, что он сам — с какой-то «неполной» анкетой, но все это уже относится к области легенд. Так или иначе, меня познакомили с Анатолием Васильевичем Ведерниковым вторично. Он был тогда редактором «Журнала Московской Патриархии». (Официальным

¹ Елена Яковлевна Ведерникова. У нее о. Александр вместе с женой учился иконописи.

² Митр. Леонид (Поляков) (1913–1990). С 1957 г. архимандрит и инспектор

МДА и МДС, в 1959 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского, в 1962 г. назначен епископом Можайским, с 1979 г. митрополит Рижский и Латвийский.

редактором числился митрополит Николай, а он был ответственным секретарем редакции, то есть практически редактором.)

И вот летом 1956 года я прихожу в редакцию «Журнала Московской Патриархии» (я уже не первый раз был у Анатолия Васильевича), подхожу к двери, туда заглядываю — и слышу голос — резкий такой, — говорящий: «Вы знаете, что всякий конкубинат кончается либо скандалом, либо законным браком. Так что ж у нас с вами будет?» На что Ведерников отвечает что-то неуверенное: очевидно, не то и не другое, — «конкубинат» продолжится. Услышав такой странный разговор, я закрыл дверь и дальше уже не слушал. (Как потом выяснилось, речь шла о том, что Анатолий Васильевич, чтобы поддержать этого человека, давал ему писать статьи для ЖМП. Таким образом, довольно долго длился этот «конкубинат», и он думал, что надо уже ставить его фамилию и пытаться сделать его официальным автором — но, к сожалению, это не удалось.) Потом я зашел к Анатолию Васильевичу, мы поговорили, я вышел — этот человек сидит. В очень сильных очках, видимо, очень плохо видящий, черный такой, взъерошенный, очень подвижный, весь какой-то изломанный, — он сразу заговаривает со мной и рассказывает мне «тысячу и одну ночь» про себя: сообщает мне с ходу, что он только что вернулся из лагерей, что он был обновленческим дьяконом, что он был учителем, что он сейчас работает учителем, сообщает тут же, что он под псевдонимом пишет статьи в «Журнал Московской Патриархии». Я ему говорю: «Ну, вот вы меня не знаете и вы мне все это сразу выпалили — как это!?» Он: «Мне о вас тут сказали. А вы что?» Я говорю: «Вот, учусь, студент, а со временем хотел бы быть священником». — «Ни в коем случае! Вы такой быстрый, — сказал он (мне был двадцать один год), — это совсем не подходит для вас». «Ну, что ж, — я потом медленней буду чуть-чуть», — ответил я.

Мы с ним пошли пешком — и прошли от Новодевичьего монастыря до Кремля; он мне рассказывал в красках и в лицах всю эпопею, которую он впоследствии запечатлел в своей книге «Очерки по истории церковной смуты» (трехтомной, она на Западе еще не вышла)¹. Ведь когда я жил в Сибири, я страшно интересовался историей церковного раскола. Причины понятны: поскольку мои родители были как-то причастны к этому, я должен был знать, что к чему, кто прав, кто виноват². Кроме того, проблема обновленчества меня всегда интересо-

¹ Первое издание: Institut Glauve in Der 2. Welt. Цюрих, 1977. См. стр. 91, прим. 1.

² Имеется в виду, что мать о. Александра и ее друзья были связаны с Катакомбной церковью.

вала: с одной стороны, я чувствовал, что это было что-то очень гадкое, но, с другой стороны, сами идеи обновления были мне необычайно близки. Я не мог понять, как же это... Свидетели, очевидцы рассказывали об обновлениях просто одни ужасы, но я чувствовал: что-то тут не то, надо бы познакомиться поближе... Информация была почти нулевая. Книг, разумеется, не было. Сейчас ведь и советских книг про обновленчество полно, а тогда не было ничего. И вот живой свидетель событий обо всем этом рассказывал. Сейчас он об этом опубликовал на Западе большую книгу (первый том уже вышел)¹, но для меня это была пища необычайная.

Вот так мы шли — и он все рассказывал, рассказывал... Он мог говорить бесконечно! «Да, кстати...» — говорил он между двумя рассказами — и пошел следующий.

Сам он мне показался очень живым. Тогда меня поразило, что он, пройдя через лагерь и через такие жизненные перевороты, сохранил оптимизм, бодрость.

Отец его был евреем, крестившимся до революции официально, но не ставшим христианином и относившимся плохо к религии вообще, не верующим ни во что; мать была русской, терпеть не могла евреев и быстро ушла от отца. А он, мальчик, с детства был религиозным, с детства был христианином, так вот родился. Значит, парень находился как бы между молотом и наковальней. Мать ненавидела своего сына за то, что тот сын еврея, а отец был недоволен сыном за то, что тот православный. Таким образом, все были против него. Конечно, это промежуточное положение далось ему очень тяжело. Чувствовалось, что он психически потрясен, в нем есть что-то надломленное... Не сложилась у него личная жизнь, он перенес тяжелейшее разочарование.

Когда он сблизился с обновленчеством, первое знакомство свелось к тому, что его засадили по их же наветам. Некто Платонов Николай Федорович на него «стукнул» — но он настолько ничего не знал о деле, которое ему пришили, что даже в те годы его просто выпустили на третий день. Можно себе представить: он не знал в лицо ни одного персонажа, не знал никого по имени, вообще ничего не знал, и это было написано у него на лице. После этого на него стукнул сын Введенского, его патрона. И стукнул, собственно, за что? По пьяной лавочке или, может, в интимном разговоре он назвал Иосифа Виссарионовича «обер-бандитом» (Анатолий Эммануилович любил говорить!). Это было

¹ А. Э. Краснов-Левитин. «Лихие годы: 1925–1941. Воспоминания». Париж, 1977.

сталинское время, этого было достаточно, чтобы сразу же схлопотать червонец. И вот оттуда он вернулся.

Он стал учительствовать — но дело это долго не продлилось, потому что в 1958 году про него уже была статья в первом номере журнала «Наука и религия». Этот первый номер был насыщен клеветой, и там была статья, обливающая грязью Левитина¹. Причем там было сказано о нем, что он дворянин и так далее, осколок старого мира. И там же о Вадиме Шаврове², его друге: что он никакой не потомок Тургенева, что он не офицер и что у него отец не генерал и так далее. Вадим поднял скандал, ему сказали: «Извините, действительно вы офицер, действительно у вас боевые ордена, действительно отец ваш генерал и член партии и он только что умер, и вы действительно потомок Тургенева, — но что мы можем сделать... Печатать опровержение мы не будем». Так и называлась эта статья: «Вадим Шавров и его крестный отец»³. А «крестный отец» был Анатолий Эммануилович. «Дворянин» же заключается в том, что его отец, будучи адвокатом, имел личное дворянство, которое не передается по наследству.

И потом было множество всяких приключений.

Он весь соткан был из комплексов, которые его всегда мучили. Но при этом он был человеком жизнерадостным и неунывающим. Я сказал ему: «А как дальше дело-то пойдет? Вы видите, как тут начали нас давить, что будет?» — «Ну, это все ерунда, — отвечает Анатолий Эммануилович, — я такое повидал, что... Все, что сейчас происходит, это все ерунда, на самом деле все будет хорошо. И молодежь сейчас нарождается новая». —

¹ На самом деле первая статья о Красно-Левитине была напечатана в 1959 г. и не имела для него последствий. Вторая, более поздняя (П. Воскресенский. «“Духовный отец” Вадима Шаврова», «Наука и религия», 1960, № 5), носила характер доноса, сообщая, что Красно-Левитин пишет под псевдонимом статьи в ЖМП. Статья оканчивалась словами: «Вокруг счастливо и радостно живут люди. И Левитин улыбается вместе с ними. Это — днем. А ночью начинается вторая, настоящая жизнь двуликого богослова. Злобой, высокомерием, казуистикой наливается рукопись нового трактата».

² Вадим Михайлович Шавров (1924–1983) учился в военно-морском училище, в 1941 г. добровольцем ушел на фронт, был ранен, награжден многими орденами и медалями. После войны учился в МГИМО, в 1948 г. был осужден на 10 лет за «антисоветскую агитацию», в 1954 г. освобожден, экстерном окончил Одесскую духовную семинарию, был иподьяконом у архиеп. Одесского и Херсонского Никона (Петина) и митр. Кировоградского и Николаевского Нестора (Анисимова).

³ Статья А. Андреева называлась «Вадим Шавров и другие» («Наука и религия», 1959, № 1, сентябрь).

Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин

«Ну, я пока ее не вижу». — «Нет, есть, вы ее увидите!» И действительно, она впоследствии появилась. В 1956 году ее еще не было, все сидели по своим углам, а Левитин сказал: «Она еще слаба. Как все молодое, зеленое, ее легко задавить, но все-таки это именно молодое».

Мы с ним расстались друзьями и часто встречались потом. Единственный раз в жизни у нас была тяжелая ссора, потому что он благодаря своему невероятному языку меня сильно подвел, так что некоторое время у нас было охлаждение. Но потом мы снова помирились.

Анатолий Эммануилович был человек резкий, но добрый, с очень твердыми, ясными христианскими принципами. У него была некоторая примитивность, прямолинейность взглядов, которая полностью искупалась их цельностью. Люди утонченные, снобы, люди, так сказать, богословски изощренные, считали его ограниченным, чуть ли не пошлым, но это все неверно: его «примитив» был гораздо выше их изощренности, потому что он был очень цельный человек. Это было целостное мышление, целостное сознание, целостная вера, целостный духовный опыт, целостная личность. И это — при таких controversiaх, о которых я уже упомянул. Больше того. Контroversии продолжались и дальше: потому что он был социалистом, он стоял за социализм — который он, если я правильно понимаю, путал с коммунизмом; он был и социалистом, и христианином, хотел совместить и такие вещи. Чудо его цельности заключалось в том, что на самом деле это был человек, раздираемый жесточайшими противоречиями, человек, который был весь мучительно закомплексован. Казалось, что такой человек явно не может быть целостным. Нет — был! Был целостным.

Был он человеком, в общем, ортодоксальным. Когда они встретились с Желудковым, то Желудков сказал: «Вы агнец в догматическом смысле», — никаких у него не было левых «загибов». Зато он был очень социалистически настроен, считал, что христианство и социализм не только соединены, но очень необходимо их соединить. И он до сих пор проповедует на Западе эту идею. Я воздерживаюсь от суждений на этот счет, но... Но, во всяком случае, его общественный пафос, его мысль о том, что общественная неправда является не чем-то безразличным для христианина, а что это вещь, против которой христианин должен как-то бороться, — эта мысль настолько естественна, что, по-моему, все очень просто.

На Анатолия Эммануиловича смотрели косо — я думаю, больше всего потому, что он выступал так резко и что он был еврей, это вообще

А. Э. Краснов-Левитин на заседании общества «Культурное возрождение» в Доме культуры завода «Серп и молот». 1989 г.

самое главное. Пусть наполовину — этого было достаточно. Потом его стали травить — историю его травли я рассказывать не буду, потому что это он расскажет сам в своих мемуарах. Он страшно любил молодежь, у него был проходной двор, собирались самые различные люди. Интересно, что когда его арестовали вторично, то там был один парень, которого считали стукачом, — так он был единственный, кто на него не показал. И когда он смотрел потом свое дело, то там было сказано об этом юноше, что тот считает его свидетелем правды и ничего о нем не скажет. (Ну, он был парнишка немножко с фантазией...) Левитина отпустили — временно, он еще был под следствием, — думали, он одумается. Но он опять начал горячиться, и его опять забрали. И пришлось ему уехать, как — он сам напишет.

Это был один из самых светлых людей, которых я встречал: живой, активный, искренне религиозный, хорошо понимающий, что в Церкви есть проблемы, пытающийся как-то на них ответить. Он был первым автором религиозного самиздата, который начался с пятидесятых годов: он стал писать апологетические статьи, брошюры, выступая сначала против ренегатов.

В то время вышла первая брошюра отреченца Дулумана¹: «Почему я перестал верить в Бога» — и Эммануилыч лихо его отхлестал за нее. Так начался самиздат. А потом он стал писать резкие, обличительные статьи. Почти на каждое мало-мальски стоящее поносное выступление в прессе он отвечал своим, столь же поносным — писал он в стиле советском, это был советский памфлет, со всеми, так сказать, советскими приемами. К сожалению, один из этих приемов его «подкузьмил»: он не всегда проверял факты. Например, в замечательном памфлете «Куда ты идешь, Володя?» он, по-моему, обвинил человека зря. Был очерк Тендрякова² «Куда ты идешь, Лида?». Некая девушка, якобы решив поступить в монастырь, стала сомневаться, написала в газету: «Дорогая редакция, стоит ли мне поступать в монастырь?» А Тендрякову поручили ответить. И он написал целую страницу: «Куда ты идешь, Лида?» — и там фотографии: монаха, который приветствует Гитлера, наместника, который влезает в автомобиль, и другие гнусные сцены.

А Эммануилыч написал «Куда ты идешь, Володя?». Он писал о том, сколько этот наместник выстрадал, прежде чем сел в этот автомобиль, о том, что немцев встречали одни, а другие были расстреляны немцами. Почему же тогда говорить именно об этих? Мало ли кто встречал — все, и коммунисты многие. Ответил здорово! А название «Куда ты идешь, Володя?» объяснялось так. Левитин писал: «Мы с вами говорили на джентльменских основаниях, а вы взяли мою статью, отнесли куда не следует. Куда вы идете, с кем вы — со стукачами?» Тендряков потом клялся — не знаю, можно ли ему верить, — что он ничего никуда не носил, что это была ошибка. Но этот памфлет вошел в сборник Эммануилыча, который вышел за рубежом. У него в те годы вышло два сборника (один — «Защита веры в СССР», второй — забыл, как называется)³.

Наибольшую славу ему принес памфлет в защиту Почаевской лавры, с которой происходили ужасные вещи. Ее терзали, ее убивали. Люди приезжали туда помолиться — подъезжала машина с милицией,

¹ Евграф Каленьевич Дулуман. Выпускник МДА. Его первая антирелигиозная брошюра «Почему я перестал верить в Бога. Рассказ бывшего кандидата богословия». М., 1957, активно популяризировалась в России и была переведена на многие языки.

² Владимир Федорович Тендряков (1923–1984) — советский писатель,

часто обращавшийся к религиозным темам с позиций неверующего гуманиста.

³ Название второго сборника: «В борьбе за свет и правду» (1964). В 1967 г. в Париже вышел третий сборник — «Диалог с церковной Россией», в котором была статья «Куда ты идешь, Володя?».

сажали всех людей туда, вывозили в поле, оставляли и уезжали. Травили монахов, всякие гнусности делали. Анатолий Эммануилыч многое сделал для защиты Лавры, писал во всякие органы. И некоторые монахи, которые ушли оттуда, написали письма за границу. В то время еще никто в Советском Союзе не обращался открыто на Запад, это все было совершенно неведомо. А эти монахи написали какие-то просьбы — косноязычно и, в общем, не всегда точно. И к нам с Эшлиманом попали в руки эти бумажки.

* * *

В разгар всех этих безобразий мы с отцом Николаем однажды прогуливались по нашему парку около дворца. (В Петровском, где стоял мой храм, есть дворец, построенный Казаковым. Дворец был разрушен, взорван, теперь от него остался один костяк и надпись: «Памятник охраняется государством». Рвали его на бут¹. Но белокаменные колонны еще стоят, и парк — точнее, кусочек парка.) Мы гуляли в парке, я сказал отцу Николаю: «Собственно, а почему вот таким несчастным людям писать? Давай соберем факты и напишем конкретно, адекватно и авторитетно, чтобы люди знали». Ну что ж, — он настолько пришел в экстаз от этой идеи, что стал меня целовать и вообще вознесся духом горё. А потом мы встретились с [отцом Дмитрием] Дудко и с другими и стали эту идею обмусоливать. И в конце концов почему-то — я сейчас не могу вспомнить, почему, все это теряется в памяти, — пришла такая мысль: «Зачем говорить про это, когда надо искать корень. А корень зла в том, что все происходит от попустительства архиереев. Те представители Церкви, которым это полагается, нисколько не борются за дело Церкви. Теперь, после передачи власти старосте, любая староста может завтра закрыть храм по своему желанию. Потому что ее вызывают в райисполком и говорят: «Закройте!» — а она находит причины к закрытию: «У нас там нет того-то, и того-то». И все, конец. Все упирается в Собор 1961 года. Надо каким-то образом выступить против него». Стали мы все это обдумывать. Эммануилыч стал свои мысли предлагать, и некоторые другие священники — не буду называть их имена².

¹ С 1940 г. дворец был превращен в тюрьму СМЕРШ (см. стр. 148, прим. 2). В 1948 г. он был взорван, чтобы уничтожить следы расстрелов заключенных.

² Это были священники Николай Ведерников, Дмитрий Дудко, Алексей Злобин, Владимир Тимаков, Сергей Хохлов, Николай Эшлиман, Глеб Якунин.

У развалин дворца Мещерских в Алабине. О. Александр и о. Сергей Хохлов с семьей. 1963 г.

Между тем у нас на приходе произошло маленькое — а может быть, и большое — «недоразумение», которое поставило «аббатство» под удар и в конце концов вообще все разрушило. У Николая Николаевича Эшлимана был приятель-историк Вася Фонченков¹, сын известного партийного работника — настолько известного, что после его смерти в газете был даже портрет в траурной рамке. Этот Вася Фонченков — молодой человек немножко авантюрного склада, любящий качать права, — часто бывал у Николая Николаевича. Он вообще любил поговорить о монархизме. Был он историк по образованию, кончил университет, работал в Музее истории и реконструкции Москвы и очень любил царскую фамилию: собирал какие-то материалы — сначала интересовался как историк, а потом вообще возлюбил... У меня с ним особенных отношений не было — так, если к Николаю придем, Вася тут как тут, что-нибудь расскажет новенькое — он вечно собирал какие-то коллекции, музейные редкости, всюду бывал... К тому же, хотя он был крещен с детства, если я не ошибаюсь, бабушкой, но христианизировался, воцерковился сравнительно недавно.

И вот он приехал ко мне, в мое «аббатство», и говорит: «Есть у меня друг, — кажется, они даже учились вместе, — тоже историк, Лев Лебедев². Он научный сотрудник истринского музея Новый Иерусалим, стал православным, обратился и даже подумывает, не подать ли ему в семинарию. И вообще хочет с работы уходить и идти уже по церковной стезе. И начать он хочет с того, чтобы стать псаломщиком. Возьми его к себе». А вместе с ним, рядом, — юноша с белесым лицом, оттопыренными ушами, улыбкой до ушей, сугубо интеллигентный человек, как я сразу почувствовал. Быстро все схватывает, говорит вкрадчиво. Но Вася мне не сказал одного, самого главного: что он «мертвый» алкоголик. С этого все и началось.

¹ Свящ. Василий Фонченков (р. 1932), работал в музее, расположенном в Ново-Иерусалимском монастыре. В 1973 г. был рукоположен в священники. В 1976–1977 гг. настоятель Сергиевского храма в Карлсхорсте (Берлин) и редактор журнала «Stimme der Orthodoxie», где в те годы печатался о. Александр. В 1979 г. вступил в Христианский комитет по защите прав верующих. В настоящее время

в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей.

² Прот. Лев Лебедев (р. 1935). В 1962 г. окончил исторический факультет МГУ, работал в музее в 1962–1964 гг., в 1968 г. рукоположен в священники, с 1990 г. перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей. Автор статей и книг, популяризирующих квазиправославную культуру.

После литургии. Пасха. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Алабине. 1963 г.

Лев Лебедев продолжал жить на территории музея-монастыря Новый Иерусалим, а ездил к нам, в Алабино. Я его учил читать, петь, мы взяли его в штат, и он был псаломщиком. Но через несколько дней меня встревожила одна история, вообще-то ничтожная. Он начал меня спрашивать о разных вещах — вот, отец Александр, то-то, то-то — а когда я ему высказывал свое мнение, он мне начинал отвечать весьма смутно. А мне это было уже знакомо по психопатам. Психопат отличается тем, что не может высказать свою мысль. Он говорит красиво и много, а ты не понимаешь, что он хочет сказать, — и он сам не может дойти до этой сути. И вот, этот Лев темнит и темнит, и темнит — я ему одно, а он что-то другое. Красиво темнит!

Потом наступил какой-то праздник. Собрался народ; все пришли, сели, выпили. Надо сказать, я никогда не был против хорошего застолья с хорошей выпивкой, поскольку здоровье мне позволяло. Я пуританские взгляды в этой сфере осуждал. Хотя потом мне это все менее и менее

стало нравиться — я просто решил, что у нас пить не умеют, и нечего устраивать этих застолий. Пить надо тем, кто умеет и кто получает от этого дружескую радость. А те, кто, когда напьется, говорит одно, а потом, протрезвев, — другое, — хуже нет, ненадежные люди! Это в деревне у нас сколько раз бывало: мы выпивали с местными парнями, и они мне клялись, что в глубине души у них есть вера, что они придут в церковь, — но я уже не слушал их, потому что знал: когда они протрезвятся, не придут ни за что. А тут мы сели, было много молодежи, разных ребят, и наш Лева Лебедев начал что-то вещать и проповедовать. (Он очень красиво говорил, у него уже была одна печатная работа — в обществе «Знание» вышла брошюра по истории¹.) Вдруг он стал что-то выкликать, а потом свалился на пол и заснул. Это первое, что меня насторожило, — такова обычная повадка алкоголиков.

Потом он приехал со своими приятелями, очень симпатичными, милыми, живыми и общительными — люди из тех, которые сразу же общаются с вами так, как будто знают вас всю жизнь (поэтому напоминают гомосексуалистов). Они говорили массу комплиментов, но как-то быстро напились и «выпали в осадок». Я только потом понял, что это сорт интеллигентных алкоголиков. Но опять-таки я как-то на это не обращал внимания: мало ли, ну устал, выпил, может, он еще и до этого выпил. Но потом мы с Сережей — с отцом Сергием — стали видеть, что что-то здесь не в порядке... И вообще мне Левино настроение стало не нравиться. После какого-то праздника идет и возглашает: «Теперь будем читать Тютчева!» Некогда было — я устал, был загружен работой, — а у него такая божественная обезьяна жила в душе, которая подзуживает: «сядем и будем читать Тютчева». Может быть, конечно, в этом ничего дурного нет, я это приветствую — я сам люблю Тютчева. Но мне не надо, чтобы мне Лев Лебедев читал Тютчева — я сам прочту.

И в скором времени он нас всех погубил. Произошло это следующим образом. У Лебедева на работе был сотрудник², садист (по моим наблюдениям), который настолько ненавидел Церковь и веру, что, например, приобретал иконы, чтобы чертить на них гадости, выжигал глаза святым; использовал дароносицу для пепельницы или мусорницы и т. п. Рядом с монастырем был источник, и, когда бабки туда ходили,

¹ Л. А. Лебедев. «Как раскрываются загадки и тайны истории». М., 1963.

² Александр Иванович Клибанов, много печатавшийся при советской

власти «историк». Специализировался на поиске социализма и протестантизма в русской народной религиозности.

он, изображая из себя якобы какого-то представителя власти, подходил к ним, отнимал у них бидоны с водой, в общем, пугал их до смерти. И так далее. Так вот, оказывается, как я потом узнал, наш Лев Лебедев в пьяном виде похвалялся этому своему сотруднику, что он все равно привезет священников и освятит весь музей, потому что это — оскверненная святыня. И тот, видно, был настороже. Я ничего этого не знал.

А за несколько дней до «недоразумения» Лев в мое отсутствие, пьяный, притащил мне куски керамики, которые валялись у них в музее. Мне они были не нужны, но он говорил что-то насчет того, чтобы вдевать их в алтарь... Подарил несколько старинных книг. Я посмотрел: на них нет никаких печатей — хотя все было явно музейное. Это все осталось у меня...

И вот, буквально через несколько дней — это было первого июля, на праздник [иконы] Боголюбской Божией Матери — мы решили поехать [в Новый Иерусалим], просто в гости, посмотреть. Я до того никогда там не был. Мы отправились на церковной машине. Ехал со мною Эшлиман со своей женой; Наташа¹ с детьми в это время была на Юге.

Когда мы туда приехали, я сказал Льву Лебедеву (я уже знал, что он алкоголик): «Лева, пока мы находимся здесь — вы не должны пить вообще, ни капли. Всё!»

Пока мы ходили и все осматривали, я начал разговор с его женой, гречанкой по национальности. Она была настроена очень антирелигиозно, а тут я как-то ее сломил, и мы начали первый разговор «по-хорошему». Но Лев таки успел «сбежать», где-то выдул две бутылки красного вина и уже был хорош. Когда мы стали уходить, он мне положил в чемодан еще какие-то осколки, которые бы нам могли пригодиться для ремонта церкви: мраморный круг с дырочками, который можно использовать как подсвечник, еще что-то... Я с этим чемоданом выхожу — и вдруг вижу (мы были в кабинете Лебедева), как пламенная гречанка бросилась на вошедшего милиционера и выставила его вон. Я выглянул в окно, увидел, что все мечутся по двору, и понял, что надо отступать, немедленно!

Я махнул Эшлиману, и тут раздался шум — это выскочил пьяный Лев Лебедев и нанес несколько оскорблений действием своему коллеге, который, как я узнал впоследствии, вызвал милицию и заявил, что попы приехали что-то там отбирать, — в общем, что-то непотребное творить. Сокрушив начальника и упав на землю, он был тут же водружен мили-

¹ Наталия Федоровна Григоренко,
жена о. Александра.

цией на мотоцикл и увезен в соответствующее место. Мы же все быстро сели в автомобиль и отбыли.

Приехав, я посмотрел все эти обломки, которые он мне принес, и ликвидировал их вообще, потому что чувствовал, что сейчас будет какое-то происшествие.

И действительно, ровно через день приехала оперативная группа с визой прокурора на обыск по изъятию ценностей, которые я «похитил» в музее Нового Иерусалима. Вместе с опергруппой находится и этот «антирелигиозник». Он всячески потешается, начинает изучать мою библиотеку, говорит: «О, о, мы-то думали, что это мы так, а на какую мы шуку-то напали!» Так они говорили между собой, а я слышал: «Вот это шука...» У меня лежали разные иностранные журналы, церковные и так далее... «Откуда это у вас?!» — говорит он грозно. — «Это ж наши издают!» — отвечаю я (это как раз был «Stimme»¹ — «Голос православия»).

Я-то более всего боялся того, что там были некоторые вещи² нашей старосты, которые она использовала, чтобы мы могли добывать деньги для ремонта храма. Если б нашли — ей несдобровать. В общем, все это шло вот так, напряженно — три сантиметра отделяло его от этого.

Потом ко мне вышел милиционер и сказал: «Слушай, давай три рубля и — в общем, мы как-нибудь все это сделаем». Я, конечно, с радостью его убоготворил. И милиционер говорит: «Ой, сколько книг, когда ж тут служить можно, тут не служить, все надо читать...» Но те не отставали — вот этот «антирелигиозник» и бывший с ним «гэбэшник». «Гэбэшник» был молодой и говорил: «Знаете, я в этих книгах не понимаю вообще, посмотрел — ну, вроде бы ничего тут нет». Забрали у меня машинописные выписки из «Доктора Живаго» Пастернака, взяли две иконы — сочли, что это музейные. И взяли те старые книги, которые Лебедев мне подарил, и несколько обломков керамики — как вещественное доказательство того, что он украл и мне передал краденое.

Но этот «гэбэшник» не успокоился. «Мы пришлем специалиста осмотреть вашу библиотеку», — сказал он и «запечатал» мне дом. Я остался на террасе, как глупый. А тот «антирелигиозник» — фамилию его я уже забыл³ — говорит: «Нам надо с вами подискутировать. Я к вам приду, и мы побеседуем». Я говорю: «Если у вас будет ордер — приходите». Он говорит: «Ну зачем вы так, Александр Владимирович, — что вы!..» — «Нет, — говорю, — с вами мы будем разговаривать, только когда у вас будет ордер. А так — арривидерчи. Всё!»

¹ См. стр. 83, прим. 1.

² Неучтенные свечи.

³ А. И. Клибанов.

Они ушли, я остался один и пошел дописывать «У врат молчания» — мне осталось всего три странички. Думаю: «Нет, гады! Я все равно добью то, что положено в этот день!» И удалился в свой буддизм... Я находился один, как я уже говорил, — семьи не было. Комната опечатана. Но у меня там кое-что было, что могло быть использовано «врагами» против меня, — какие-то машинописные вещи (сейчас я уже не помню, что именно). Ничего по-настоящему криминального не было, но все-таки я бы не хотел, чтобы они там были... Ну а кроме того — возьмут и не отдадут. (Кстати, они мне и не вернули ни иконы, ни эти выписки — ничего.) Стал я гулять по двору в раздумье. Гулял, гулял. Потом так задумался, что — подошел, дернул дверь и — сорвал эти все печати. «Ну, — думаю, — раз уж я их сорвал, так я должен почистить». Я там «почистил», кое-что унес, а сам думаю: «Ну, что теперь будет?»

Вдруг идет мой брат¹. Как-то мне стало веселей — мы с ним обдумали это дело. Они сказали, что приедут на другой день. И я решился: пошел к одному административному лицу нашей деревни, с которым я был в большой дружбе, и говорю: «Так и так, такая картина». Он говорит: «Они были у нас, допрашивали, мы сказали о вас самое хорошее, что никакой у вас антисоветчины нет и не было, и вообще они не имеют права оставлять дом опечатанным — они должны были закончить обыск». — «Тогда я сейчас к ним поеду!»

Сели мы в машину, и отправился я в их ГБ — Красноармейское, кажется. Приехали мы туда — и никак не найдем. Я какого-то милиционера спрашиваю: «Где тут ГБ?» Он на меня посмотрел, как на гадюку, — оскорбился, — но все-таки показал. Вошел я в ГБ. Там пусто. Сидит какой-то малый, пишет заявление. Я спрашиваю: «Где тут “эти”?» — «Вон они, зарядкой занимаются». (Смотрю — за окном молодые парни бегают по кругу.) Я говорю: «А вот такой-то мне нужен». — «Уехал куда-то... А я, — говорит, — сижу, пишу заявление, уходить хочу отсюда. Не нравится мне». — «Да что же не нравится?..» Так мы побеседовали, я оттуда ушел и написал перед этим записку, говорю: «Вы тогда ему передайте записку». Написал: «Я ждал вас два дня, приехала моя семья, прошу меня больше не беспокоить!»

А что оказалось? Пока я ездил, он приехал туда — а там замки кругом, я замки на дом повесил. В общем, мы разъехались. А когда я узнал, что они вообще не имели права дом оставлять опечатанным, — они как-то поотстали.

¹ Павел Мень (р. 1938).

Но что значит «поотстали»? Получил я повестку в прокуратуру: решили устроить грандиозный процесс. Самого Руденко — генерального прокурора — на это дело пустили, он начал всем этим командовать. Открываю газету районную, «Ленинский путь» (или как там она называется) — в ней статья: «Фальшивый крест»¹. В карикатурном виде изображается и без того карикатурный Лебедев, а потом говорится, что он пригласил священников — Эшлимана и Меня, — которые приехали туда с девицами (это жена Эшлимана считалась девицей!) и ограбили музей, и пели «Шумел камыш», и вообще Бог знает что. «Ну, — думаю, — дела. Что теперь будет...» И на допрос.

Допрос длился семь часов и, надо сказать, произвел на меня очень отрадное впечатление, потому что следователь был все-таки из прокуратуры, отнесся хорошо, составил все как надо. Затем пришел другой. А я — вообще ни при чем. Я — ничего не брал. «Откуда, — говорю, — видно, что эти книги музейные?» Потом выяснилось, что при обыске они у меня стащили мою фотографию — тогда уже я стал на них поднимать голос и говорить: «Вы что ж, пришли как представители закона, а какое вы имеете право? Где у вас в акте и в описи отмечено, что вы взяли мою фотографию?» Один следователь говорит другому: «Да отдай ты ему фото!» В общем, такая началась тут перепалка... Фотографию я забрал — очевидно, они хотели использовать ее для фотомонтажа или для публикации в какой-нибудь газете.

В общем, когда я во второй раз прихожу на допрос, мне следователь уже намекает, что можно не беспокоиться. Что оказалось? Хотели раздуть грандиозное кадило, и тут просто Бог спас: передали [«вещдоки»] экспертам высшего класса, и эксперты сказали, что все эти книги и вообще все, что там есть (учитывая, что на них нет никаких опознавательных знаков), — в сумме представляет ценность 10 или 15 рублей. Все эти книги выглядели очень торжественно, в кожаных переплетах, а на самом деле они были пустяковыми.

Тут они как-то сразу пообмякли. Однажды, когда я приходил, — открыл дверь, смотрю: Лебедева допрашивают. Потом устроили обыск

¹ Иван Малыгин. «Фальшивый крест», «Ленинское знамя», 1964, 23 июля, № 172. В статье Клибанов ошибочно назван Колобыниным, священники обвинялись в краже из музея свитков Торы, другие обвинения носили примерно такой характер: «Отец Александр (в миру А. В. Мень)

и отец Николай (в миру Н. Н. Эшлиман) сажали Лебедева в церковную легковую машину (№ ВП39-01) и, прихватив с собой “святой” сорокаградусной и совсем не святых девиц, катались по дорогам Подмоскovie». Статья критиковала и директора музея Д. В. Петкова.

у Эшлимана... Воротили как следует. Но Эшлиман, как говорится, вышел здесь благополучно. Он только этой газетной статьей отделался.

А у меня дело было похуже. Перед этим у меня было еще одно приключение. Приходит некто Лясунов, заведующий охраной памятников, и говорит: «Вот у вас тут сломаны колонны кое-где». В колоннах выбоины были: во время войны, когда шли бои, осколки попадали в белокаменные колонны (а у нас много было этих колонн, вся колокольня по периметру была ими окружена — колонны большие, по 15 метров высоты); мы заделали их известкой, штукатуркой. А он говорит: «Теперь вы должны все это вынуть, достать белый камень и заделать белым камнем». То есть он предложил сделать нечто совершенно невозможное, причем за короткий срок. Я говорю: «Мы же на этом погорим». А потом вижу его выразительное лицо, смотрю и говорю: «Сколько?» Он говорит: «Три» — я ему выкладываю. А его приятель, который с ним приехал, тоже из этого общества охраны, сидит в стороне и читает Достоевского. Я пожал им ручки и отправил.

Оказывается, он объехал восемь или десять церквей, проделал эту операцию, а на одиннадцатой — батя, с которого он заломил больше всех (у него все возрастали аппетиты), сказал, что принесет ему, заметил номера денег и «стукнул» в ОБХСС или куда там следует, на Петровку. И Лясунова взяли с поличным с этими деньгами. Начался процесс. Нас всех стали таскать, и адвокат его говорит, что надо нас всех посадить, поскольку мы давали взятки.

Так что тут все наложилось одно на одно. Что будет дальше — я уже не знаю. Наступает отпуск, и я чувствую, что надо посмотреть мир, пока тебе не дадут смотреть через маленькое окошко. И мы с женой отправились по Волге на пароходе. Я был уже спокоен, потому что «У врат молчания» было закончено, и я уже обдумывал, как мы начнем греков и, самое главное, — где мы их начнем. И тут — приезжаю я, по-моему, в Астрахань или еще в какой-то город — телеграмма от Сережи¹, моего сослуживца: «Приезжал Трушин² (это уполномоченный по делам Церкви), срочно выезжай». В общем, пока я ехал по Волге, я в каждом городе находил отчаянные телеграммы: «Приезжай срочно». Оставив Наташу и мешок с книгами, которые я брал с собой, я в Саратове сел на самолет и прилетаю сюда.

¹ Свящ. Сергей Хохлов.

² Алексей Алексеевич Трушин, в 1960-е гг. уполномоченный по делам религии при исполкоме Мособлсовета.

Литургия в пасхальную ночь 1964 г. В алтаре. За о. Александром стоят Евгений Барабанов, Александр Борисов, Александр Юликов и Александр Ульянов

А тут полный разгром. Приехал Трушин и говорит: «Где он, этот злодей — про которого в газете, который уголовник и так далее?!» — «В отпуске», — отвечает отец Сергей. «Никаких отпусков не полагается!» — ну, в общем, уехал. Я прихожу к нему. Он: «Ну, что с вами делать?» Он работает с сорок пятого года, большой чин в ГБ имеет — не знаю, какой — полковник или кто. Человек не из приятных — хотя, впрочем, я с ним, как говорится, чай не пил. «Что с вами делать?» Я говорю: «Ничего». Он говорит: «Вот, написано: “Шумел камыш” и прочее». — «Знаете, — говорю, — я столько не пью, в чужих домах тем более. “Шумел камыш” я даже текста не знаю». — «Что с вами делать?» — наверное, раз пятьдесят повторил. «Ну, пока не служите, пока не служите». Потом звонят ему. Я чувствую, что звонят из «какого-то» учреждения. «Все отрицает, — говорит, — все отрицает». Я ему сказал, что все это выдумка чистой воды. Он: «А какие-то там девицы?..» — «Знаете, — говорю, — вы же понимаете, как все это пишется...» Понимаете, это шестьдесят четвертый год, Хрущев еще у власти, гонение идет полным ходом — каждый

О. Александр и о. Сергей Хохлов. Пасха . 1964 г.

номер «Науки и религии» выходит с рубрикой «Факты обличают», и там поносят всех и вся, кого попало. Все местные — районные и областные — газеты полны клеветы, инсинуаций и всяких поношений, и каждый ищет вот такого нового факта. «Ну, — думаю, — все». Он говорит: «Ну, не служите пока...»

«Все, — думаю, — рухнуло наше аббатство».

Приезжают ко мне Женя Барабанов¹, Саша Юликов² — юноши, которые тогда только что кончили школу, — я им говорю: «Накрыли нас хорошо. Но будем надеяться на милость Божию, что будет дальше, посмотрим».

И действительно, произошло чудо. Я еще не пропустил ни одной службы. И тут съезд уполномоченных. Какие им дали инструкции — кто их знает! Но вызывает меня секретарь епархии и говорит: «Ну что, вас там сняли? Ну, погуляйте месяц-другой, мы вам найдем местечко, не беспокойтесь, все будет в порядке — Трушин хороший человек». Я говорю: «Через три дня Успение, что ж мне, не служить?» — «Ну, позвоните, — говорит, — уполномоченному». Я ему звоню и говорю: «Алексей Алексеич, вы говорили не служить, но я пока в воздухе, а ведь Успение — как же служба пройдет без меня?» Он отвечает: «Ну, послужите на Успение, а потом ищите другой приход». То есть вся схема изменилась.

Я на Успение послужил и после службы, сразу сев на машину, приезжаю в Тарасовку (мне секретарь сказал, что в Тарасовке освобождается место³). Приехал туда, посмотрел: церковь грандиозная, все нормально. Хотя, конечно, там все оказалось значительно хуже, но в этот момент мне выбирать было нельзя: либо пан, либо пропал. И на другой же день после Успения (или на третий) я заключил договор. А там, в Алабине, продолжался разгром: сняли старосту, всех разогнали. «Аббатство» было разрушено.

А Лев Лебедев со своей женой периодически появлялся — его отпустили — и спрашивал, что ему делать дальше. Потом он пристроился при архиепископе Питириме⁴ и стал писать ему статьи в ЖМП. Но однажды, когда он пришел к Питириму, напившись до совершенного зверства, тот испугался и сказал, чтобы он не приходил больше. И тогда

¹ Евгений Викторович Барабанов (р. 1943), искусствовед. В 1970-е гг. участник правозащитного движения.

² Александр Михайлович Юликов (р. 1943), художник-авангардист, оформитель книг о. Александра.

³ Покровская церковь с. Черкизово на р. Клязьме, где о. Александр служил при настоятеле о. Серафиме Голубцове.

⁴ Митр. Питирим (Нечаев) (1926–2003), с 1962 по 1994 г. — ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии».

он поехал на Волгу к владыке Саратовскому Пимену (Хмелевскому)¹ — сумел его обворовать, как обворовал меня, и тот его рукоположил. Но потом стал опять валяться по разным подворотням, и владыка Пимен его из своей епархии изгнал. Затем поступил в семинарию — его приняли заочно, потом очно (я сейчас уже не помню точно). Сначала он был фанатичный приверженец официальной иерархии, о. Николая и о. Глеба он поносил; а теперь впал, наоборот, в оппозицию и старообрядчество. Недавно я встретил его в Лавре с длиннющими волосами, длинной жидкой бороденкой и с огромной скуфьей — он шествовал, как протопоп Аввакум, рядом с дьяконом Хайбулиным² (тоже оригинальный человек) и говорил мне о том, что все негодяи. Когда я подошел под благословение к Никодиму [Ротову], он сказал, что Никодим антихрист и вообще... Потом Рожков вдруг сказал мне со странной ухмылкой, что теперь Лев Лебедев духовник его жены, которая уже шестой раз лежала в психиатрической больнице. Я диву дался. Пришел, смотрю: лежит все тот же пьяненький Лева, который открывает один глаз, — и все воскресло в моей памяти... Не знаю, что с ним будет происходить, сейчас он очень интересуется ролью масонов и сионистов в губительных последствиях... и так далее. [...]

Перехожу я в Тарасовку — а тут мне приходит вызов на Петровку. То есть на Петровку вызывают несчастную старосту нашу — потому что ведь она же должна была — якобы — давать эти деньги, взятку. Я знаю, что она там вообще погибнет, понимаю, что с ней будет, — так что я решил все это принять на себя и отправился на Петровку, 38. Это было менее приятно, конечно, чем тот допрос. Вертели-вертели — в общем, мы все едва не угодили за решетку. Процесс длился долго, мы без конца ходили и говорили только одно: что он нас шантажировал, что мы эту взятку дали не просто из любви к искусству, а мы дали ее, потому что у нас не было другого выхода. Тут получилась такая маленькая взаимная услуга: товарищ, который приезжал с Лясуновым, очень боялся, что и его втроят — Лясунов ведь с ним, конечно, делил деньги, но я сказал, что он к этому никакого отношения не имел и что денег он не получал. Тогда, когда его спросили, действительно ли предложенные работы были невыполнимы, он сказал четко, что невыполнимы, — так что это

¹ Архиеп. Пимен (Хмелевский) (1923–1993), с 1965 г. архиепископ Саратовский и Волгоградский. Благодаря его усилиям возобновила свою деятельность Саратовская духовная семинария, существующая и по сей день.

² Иеродьякон Варсонофий Хайбулин вместе с о. Глебом Якуниным входил в Комитет защиты прав верующих в СССР.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Тарасовке

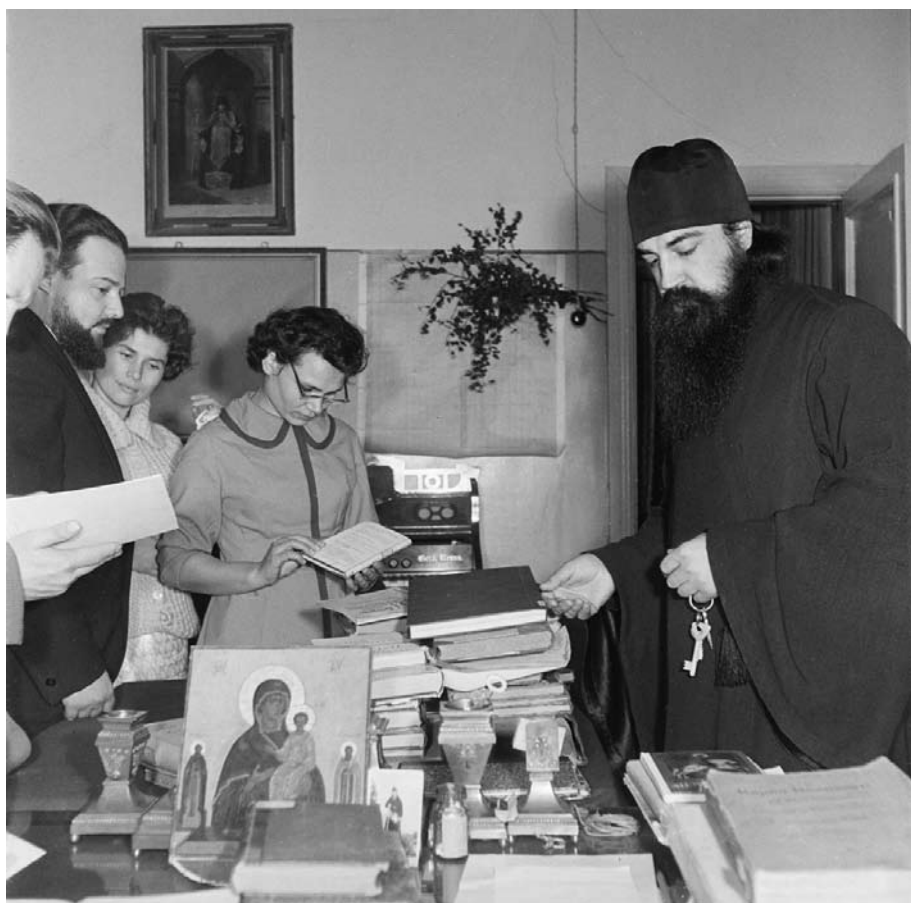
был шантаж. Лясунову дали восемь лет. Оказалось, что он набрал колоссальную сумму. Прокурор в своей речи рассказал, что Лясунов без конца писал доносы на свою любовницу — продолжая с ней жить! — и это, конечно, «присяжных» окончательно «ухайдакало», и они уже не выдержали. Тяжелое это все было дело — причем это шло одно за другим. Я чувствовал, что тут так просто не обойдется.

Однако отец Николай Эшлиман и другие продолжали обдумывать проблему создания какого-нибудь письма. Мы встретились у меня в Семхозе¹: приехал Анатолий Эммануилович, отец Дмитрий и они оба — Эшлиман и Глеб. Причем Анатолий Эммануилович привез маленький — страниц на десять — проект письма к Патриарху на тему о том, что все произошедшее незаконно, и вообще сказал, что надо действовать «против». Но мы с отцом Дмитрием Дудко образовали правую фракцию и сказали, что без епископа мы не будем действовать. А Николай и Глеб остались в неопределенности, и тогда я предложил обсудить это дело соборно. Мы решили созвать такой «собор», более расширенный.

¹ Семхоз — станция по Ярославской железной дороге (последняя перед Сергиевым Посадом), где с 1964 г. жил о. Александр.

И вот у Эшлимана на даче собирается десять человек для этого обсуждения. Тут надо сделать маленькое отступление. Прихожане собрали Эшлиману деньги, чтобы он купил дачу в Химках и переехал туда совсем. Я сказал тогда жене: «Здесь у нас дружба врозь — кончится». Я знал, что Николай был человек малоподъемный, с трудом куда-либо ездил, я знал, что он там погрязнет и мы с ним уже не сможем больше общаться — я к нему ездить в Химки, конечно, не буду. Так все и произошло. Это очень важный момент в его жизни. В этих «Химках» была заложена масса злого для него. Там, в Химках, мы и собрались для обсуждения этого вопроса.

Всем было предложено высказать свое мнение, и какие-то мнения произносились, но кончилось это собрание тем, что было предложено пригласить кого-нибудь из людей более старших — мы все были моло-

В Московской духовной академии у ректора архиепископа Филарета (Вахромеева)

дые, — в частности, Анатолия Васильевича Ведерникова. Некоторые не соглашались с его кандидатурой, другие были за — но, в общем, решили пригласить и его, и владыку Еρμοгена.

После этого собора мы пришли к какому выводу? Надо все-таки выработать проект послания — Анатолий Васильевич даже предлагал, чтобы текст до отправления был зачитан лично Патриарху в Елоховском соборе во время службы. Кое-кто выйдет и — «Ваше святейшество!..» — и зачитет. Владыка Еρμοген это одобрил. И стали думать, какой же должен быть текст. Тогда я написал текст на три страницы, где было все коротко изложено. Смысл был такой: что реформа 1961 года противоречит не только церковной практике, но и государственным законам, потому что священник теперь не лишенец. Если он не может быть принят в церковную общину, то получается парадокс: он может быть избран членом местного совета, но не может быть избран членом церковного совета. В основном мой документ состоял из вопросов — в большинстве своем риторических: как вообще совместить с церковной практикой нынешнее положение...

Тогда отец Глеб сказал: «Нет, это для них слишком непробойно. Их надо долбить! долбить! так, чтобы до них дошло». — «Ну, — ответил я, — если это вам не нравится, то пишите сами». Я знал, что Глеб никогда ни одной строчки не напишет, а Николай вообще-то пишет, но очень медленно — страшно медленно — сверхмедленно! — и никогда не доводит до конца. Поэтому я был не особенно взволнован. Тем более, что тут произошло очередное ЧП, и мне было не до этого, потому что в это время стали искать роман Солженицына — то ли «В круге первом», то ли «Раковый корпус»¹. Был у Солженицына приятель, некий Теуш² — Царство ему Небесное, он уже умер, — и от него почему-то стало известно, что он передал мне какие-то материалы, связанные с этим романом. Он мне действительно передал свои очерки по поводу Исаича³. Я их почитал — это мило было — и отдал почитать Толе Ракузину⁴. И вот, сижу себе в Семхозе и смотрю: идет у меня по участку целая вереница мужиков в пиджаках и галстуках. Я спускаюсь вниз — они так вежливо говорят: «Мы из Комитета государственной безопасности. Есть ли оружие?» — «Нет, конечно, нет!» — «Антисоветская литература?» — «Нет,

¹ Искали роман «В круге первом», повесть «Раковый корпус» была окончена лишь в 1967 г.

² Вениамин Львович Теуш, автор книги «О духовной истории еврейского народа». М., 1998.

³ Исаич, «Костя» — разговорные «псевдонимы», употребляемые для конспирации о. Александром и его окружением.

⁴ Анатолий Ракузин, художник, в настоящее время живет в Париже.

ничего не держим, прошу...» Восемь часов они ковырялись у меня тут и потом говорят: «Давайте в церковь поедem». Я говорю: «Я часть из вас тут оставляю — вы продолжайте это дело, я вам доверяю, вы официальные люди; найти у меня вы ничего не найдете из того, что вы ищете». Они сказали: «Мы ищем Солженицына, роман». — «Я его, — говорю, — в глаза не видал никогда. Ищите, а я поеду с другими в церковь».

Приехали мы в Тарасовку, пришлось мне открывать сторожку. Но они вели себя корректно и даже сказали: «Чтобы вам не делать неприятно, мы остановимся вдали и придем пешком — вы можете назвать нас кем угодно». Поэтому мне пришлось плести какую-то ерунду, что вот, пришли что-то посмотреть. Пришлось их пустить всюду, даже попросились в алтарь. Я говорю: «Ну, кто крещеный?» — «Вот, один». — «Пойдемте, я вас провожу». А у меня в алтаре был ящик, где я держал свои рукописи и книги. Я говорю: «Вот, пожалуйста». Он говорит: «Это богословие меня не интересует». Тогда еще богословие их не интересовало... Они искали целенаправленно Исаича¹.

Поехали обратно — как-то я с ними разговорился, и даже посмеялись мы, и вообще — ехали непринужденно. Я говорю: «А что вы пристали к старику-то, он уже на ладан дышит — если он писал что-то такое про лагерь, так теперь все пишут про лагерь...» Да, а тут произошел забавный эпизод. Мне один человек дал стихотворение дурацкое — против Хрущева — как раз Хрущева сняли: «Тут вдруг Брежнев говорит: а тебе народ простит? Светлым ленинским идеям...» — и так далее, в таком вот духе. А они раз — бумажку у меня прямо из кармана рясы, — я еще даже сам не прочел, думаю: «Что там такое написано?..» Они сразу переглянулись, и все — в эту бумагу. Я думаю: «Ну, сейчас...» Они: «Александр Владимирович, что же вы такие вещи держите?» А я говорю: «А что тут такого? Конечно, с точки зрения поэтической это слабо, но идейно там все выдержано». Они: «Вот, Брежнев» — увидели имя! «Смотрите, что он тут говорит? — Указываю. — Он говорит то, что надо! Нескладно написано, но от души!» Все! Замолкли, поняли, что дело тут, конечно, не склеилось.

Один очень был вредный — и так копался, и так копался — ну ничего... Ковырялись они там, ковырялись — Наташа говорит им: «В помойке поищите!» Он говорит: «Вы не иронизируйте, это все для вас может плохо кончиться». Мы вернулись — тут они уже, вижу, опали, поняли, что — нет... А я говорю: «Нет, я ничего не знаю — не видел, не

¹ Обыски состоялись 13 сентября 1965 г.

слышал...» Ничего они не взяли. Один, правда, нашел у меня дневничок. У меня не было никогда привычки писать дневник, и вот однажды бес меня попутал написать что-то такое, незаконченное. Но он тоже оказался вежливым: взял его — я вижу, он читает его с большими глазами, — потом спрятал и не взял.

Они уехали с совершенно пустыми руками. Причем, когда уезжали, сказали: «А ведь мы могли бы посмотреть и нижний этаж, но видите, какие мы гуманные — не смотрели». А у меня там лежало! Накануне — это было тринадцатое число сентября — были мои именины, приехали все, и мне Женька Барабанов говорит: «Людей берут, вообще стало тревожно». Я думаю: «А, от греха...» Собрал какую-то там ерунду всякую, целый ворох, и на террасе спрятал, внизу. Накануне! Собственно, ничего не произошло, а просто атмосфера такая была. И вот, они как раз не смотрели. Я говорю: «Да нет, ничего нет... Теперь даже приятно, что вы побывали, потому что, во-первых, я теперь уборочку сделаю, а во-вторых, я теперь знаю, что у меня ж наверняка ничего антисоветского нет — у меня вот ваш документ, что вы тут все смотрели».

На фоне этих бесконечных приключений мне было уже не особенно до того, чтобы сочинять еще какое-нибудь письмо. И тут как раз пришло сообщение от Анатолия Васильевича Ведерникова (по непонятным причинам я не мог с ним встретиться): что это дело надо сейчас прекратить, что письмо сейчас писать не надо. Они обсудили это с кем-то, по-моему, со Шпиллером¹, и решили, что сейчас это будет несвоевременно. Это при Хрущеве имело смысл. Хрущева сняли, начались какие-то перемены, и сейчас, наоборот, речь идет о том, чтобы завоевать хоть какую-то минимальную стабильность.

То же самое решил владыка Ермоген. Глеб Якунин с ним встретился и потом рассказывал: «Я поговорил с ним сухо и вообще...» — понес он его, короче. И они с Эшлиманом все равно начали писать. У меня не было никакого страха за дело, потому что они оба служили, и Дудко служил, и каждый из нас делал свое дело, все мы общались, встречались, а эта «улитка» — она могла ползти до сих пор, вот как мы с вами сидим здесь, пятнадцать-семнадцать лет спустя, — они бы и до сих пор его писали. Но тут произошло «роковое стечение обстоятельств и пересечение судеб», началась уже какая-то «достоевщина»: к составлению письма подключился Феликс Карелин².

¹ Прот. Всеволод Шпиллер (1902–1984), репатриант, в то время настоятель Николо-Кузнецкой церкви в Москве.

² Феликс Карелин (1929–1992). О нем см. далее в рассказе о. Александра.

Феликс был удивительным человеком, безумно темпераментным, страстным, могущим красиво складывать — как в народе говорят, «по книжке говорить» — много часов; человек со схематическим строем ума, который мог бы принести много пользы и для Церкви, и для дела, если бы не его безудержная натура. Он впервые появился еще в 1958 году, после того как вышел из тюрьмы по окончании срока (не реабилитированный), женился на актрисе, которая получила распределение в Иркутск, и отправился с нею туда, работать в театр. Там он узнал обо мне — я в это время жил в Иркутске, — пытался меня найти. По рассказам он составил превратное представление, воображал, что я какой-то визионер или мечтательно настроенный человек. В конце концов, Глеб его разыскал и привел его ко мне, уже на приход. Карелин отвел меня в отдельную комнатку и сразу стал рассказывать, как он сидел в одиночке, как там — тоскуя, разумеется, в этом малоприятном месте, — он начертил на стене почему-то шестиконечную звезду и стал над ней размышлять, медитировать, и оттуда у него возникли целые системы мироздания, системы искупления — в общем, всякое такое. Я на него смотрел с такой скорбью — как смотрят на умалишенных, — что он стал быстро все это дело смекать и уже больше мне всей этой «крутистики» не говорил.

Но Глеб был безумно им прельщен, и в Москве проходила целая волна восторгов вокруг Феликса. Он устраивал такие рассказы — толкования книги Апокалипсиса и Даниила, все ходили в полном упоении, а через месяц его почему-то выгоняли из дома. Так происходило и у Анатолия Васильевича Ведерникова, и у многих других. То есть он сначала производил исключительно хорошее впечатление, а потом — столь же исключительно отвратительное. У него была идея рукоположиться. Он объехал много городов, поскольку в Москве он жить не мог, он не был реабилитирован. Долго жил в Ташкенте... Все архиереи встречали его с распростертыми объятиями, но потом прогоняли.

Однажды Феликс привел одного парня, по имени Лева (Натансон, кажется, была его фамилия), который с ним сидел, — этот Лева якобы хочет креститься. Ну, добро! — я с этим Левой познакомился, и в другой раз, когда он приехал ко мне один, мы с ним пошли гулять в лес, недалеко от храма, — он мне рассказывал историю своей жизни. И тогда он мне рассказал о Феликсе удивительную вещь: что Феликс был штатным провокатором, заслан был в так называемую «группу Кузьмы» — компанию молодежи, которая после войны собиралась, чтобы поговорить на

Глеб Якунин, Николай Эшлиман и Феликс Карелин. 1962 г.

религиозно-философские темы — в основном они все были богоискатели. Во главе их стоял парень Кузьма, который сейчас уже умер. Один из них был Илья Шмаин¹, ныне уехавший в Израиль. Феликс Карелин (сын известного чекиста, который был расстрелян) попал в армию только в конце войны и там был взят в СМЕРШ². Для того чтобы искупить грехи своего отца, он должен был работать в качестве агента. Его заслали в эту «группу Кузьмы». Но как человек очень страстный, темпераментный, он, конечно, не годился ни для какого СМЕРШа, он быстро увлекся религиозно-философскими идеями, которые ребята там изучали. (Надо учесть, что в послевоенный период ни книг, ничего не было, а всё так, сами придумывали.) У него там произошло какое-то религиозное обращение — и он ребятам рассказал, что он попал к ним просто по заданию «партии и правительства». Были объятия, слезы и так далее, но потом посадили всех — и ребят посадили, и его тоже.

В лагере в то время — это были те лагеря, которые описаны в «Моих воспоминаниях»³, — он прошел довольно большую школу. Он рассказывал мне о длительных подробных беседах с католическими прелатами, с бывшими эсэсовцами, с еврейскими и латышскими националистами, с профессорами русской литературы. Как человек очень способный и быстро схватывающий, он многое усвоил и был, я бы даже сказал, довольно образованным. По возрасту он лет на шесть меня старше — примерно 1929 года рождения. Одно время он там возглавлял чуть ли не полуфашистскую организацию, заявлял, что он немец — у него действительно мать наполовину немка, остальное в нем еврейское. А потом он там пережил уже обращение в христианство, в православие, и был крещен. Крестил его карловацкий, кажется (не помню точно), священник.

Но до крещения с ним произошла довольно неприятная история. Он без конца читал какие-то лекции, о чем-то говорил, без конца делился своими идеями. Это делать он умел, в лагере поднаторел. Но многие считали его провокатором. И когда там нашли подлинного

¹ Свящ. Илья Шмаин (1929–2004), рукоположен в священники митр. Антонием (Блюмом). После возвращения из эмиграции служил в храме апп. Петра и Павла у Яузских ворот.

² СМЕРШ (сокр. от «Смерть шпионам»), организация военной контрразведки в 1943–1946 гг., подчинявшаяся лично И. В. Сталину. Занималась разоблаче-

нием вражеских агентов, осуществляла проверку благонадежности советских военнослужащих, бежавших из плена, вышедших из окружения и оказавшихся на оккупированной немецкими войсками территории.

³ Имеется в виду книга Екатерины Олицкой «Мои воспоминания». «Посев», 1971.

provokatora, то было постановлено, что убить его должен Феликс — потому что тогда он докажет, что он сам не стукач. И убить он должен ножом. Это ужасно, потому что убить человека ножом неспециалисту довольно трудно, топором гораздо легче. И вот — он должен был убить его ножом. Это был очень жесткий приговор, и у Феликса, как рассказывал Натансон, выхода не было: либо он порешит этого человека, либо его порешат. Он убил этого provokatora — ему дали второй срок. Мало того, потом он образовал какую-то группу — группа была раскрыта. Как уверяет Натансон (я этого ничего не знаю), Феликс давал какие-то показания... В общем, Натансон изображал его в виде некоего Ставрогина или еще кого-то в этом роде, который всех их совращал — молодежь зеленую — и всех их губил; он представил Карелина как человека страшного, демонического, виновного тысячу и один раз.

Теперь у меня сразу возникла проблема: если Феликс пришел ко мне как provokator, зачем он мне привел потом этого Левку Натансона, который все это рассказал? Очевидно, здесь была полная искренность. Или он думал, что Левка не проговорится? На каком основании — ведь он его даже не предупреждал? И через некоторое время я Феликсу прямо сказал: «Лева рассказывал о вашем таком... богатом прошлом...» Он сказал: «Ну, вы сами понимаете, что я не мог вам всего этого рассказать сразу, потому что, подумайте, — я бы пришел и сказал: я бывший стукач и убийца». Тут мне крыть было нечем. Действительно, он был прав с ног до головы: если бы человек пришел и так отрекомендовался, то, при всем моем «либерализме», я бы его, конечно, как-то принял, — но с величайшим трудом, признаться. Мне бы это стоило больших усилий, и мне было бы трудно погасить в себе шевелящиеся сомнения. Так что здесь он меня убедил. И, в общем, я в конце концов так и думал — что это было искренне.

Впоследствии я о Карелине много слышал от людей, сидевших с ним в лагере. Рассказывали о его пророчествах: он там высчитывал по книге Даниила конец света. Все это получалось у него довольно талантливо, и для людей малоосведомленных это было потрясающе. Я помню, как ко мне приехал один из бывших студентов, с которыми я учился, и просил, чтобы Феликс при мне рассказал всю эту историю. Друг мой был поражен — у него прямо рот открылся. Я-то, признаться, ни во что это не верил, потому что я знал, что книга Даниила — это совсем другое, и Апокалипсис — это совсем другое, и вся эта библейская алхимия, которая им преподносилась, была мне ни о чем. Но Глеб

был просто в стопроцентном восторге; некоторые дамы записывали за ним. Но как-то потом это все не получилось. Эшлиман его терпеть не мог, признаться.

И вот когда роль Феликса оказалась роковой: когда Глеб и Николай Эшлиман задумали писать письмо, но ни один, ни другой не «тянули», они попросили Феликса. Вот кто был этот человек¹.

Когда они принесли письмо владыке Таллинскому Алексию², который был управделами, по их свидетельству, глаза его потеплели, когда он принимал от них этот документ. Почему-то им казалось, что письмо произведет какое-то благоприятное впечатление, хотя и подозревали, что будут репрессии. Я думал, что их запретят немедленно по прочтении этого документа, и высказал им такое предположение. В день подачи встретил я Карелина, и он сказал мне торжественно: «Началось!» Я был мрачен и сказал ему, что очень жалко, что такие два человека выпадают из наших рядов, — на что он сказал, как Каиафа: «Что стоят два человека в сравнении с великим делом!» Письмо было подано в официальном порядке. Второе письмо — более удачное, на мой взгляд, — было отправлено правительству³.

Какое это произвело впечатление в высших церковных кругах, — я сказать не могу. Старенький Патриарх [Алексий I] реагировал противоречиво. Сначала он сказал: «Вот, все-таки нашлись порядочные люди!» А один видный церковный деятель, в то время находившийся в заграничной командировке, прочтя эту публикацию, сказал: «Ну теперь стоит

¹ В фонозаписи воспоминаний следует пропуск и, видимо, значительный: не сохранилось ничего о сочинении письма. Однако из контекста видно, что о. Александр считал Карелина его фактическим автором. Об истории письма 1965 г. сам Карелин писал в самиздатском журнале («Рубикон перейден», «Слово», 1988, № 1): «Священник Глеб Якунин “Открытое письмо” не писал. Он торопился подписать бумагу, наскоро состряпанную А. Э. Левитиным. С этим и пришел к о. Николаю. Однако, когда о. Николай прочел левитинский “документ”, он категорически заявил: “Эту цидулку я подписывать не буду”.

После этого началась серьезная и продолжительная работа над составлением “Открытого письма”. В этой работе мне пришлось принять самое активное участие. Однако мое участие сводилось в основном к работе литературной. Что же касается духа “Открытого письма”, то он почти всецело определялся личностью о. Николая».

² Ныне Патриарх Алексий II (Ридигер). Письмо было подано 15 декабря 1965 г.

³ В виде заявлений на имя Председателя Президиума ВС СССР Н. В. Подгорного, Председателя Совмина СССР А. П. Косыгина, генпрокурора СССР Р. А. Руденко.

жить!» Но, с другой стороны, Патриарх сказал: «Они хотят поссорить меня с властями». Однако он не поинтересовался ими. Познакомиться: что это за священники, — вызвать даже их к себе для разговора, — это ни одному архиерею в голову не пришло. И Эшлиман с Якуниным продолжали жить и действовать. А документ читался где-то в верхах, печатался за границей, передавался по Би-Би-Си, и так прошло три месяца.

Вскоре после подачи этого документа Карелин вместе с отцами явился к Анатолию Васильевичу Ведерникову домой читать это письмо. Дело в том, что они все время с упоением читали его вслух своим друзьям. Не будучи людьми, привыкшими к собственной письменной продукции, они были очень довольны не самим фактом, а формой. Надеюсь, меня слушатели простят за некоторую комичность изображения ситуации — ведь здесь назревали трагедии, но комичность заключалась в том, что они читали все время вслух — а там семьдесят страниц на машинке. Я, для упражнения в терпении, присутствовал и слушал это без конца, и уже знал письмо наизусть.

Самая забавная история была, когда мы с отцом Сергием Желудковым пришли к отцу Николаю Эшлиману, и он стал опять зачитывать вслух весь текст, как будто Желудков неграмотный. А тот сидел и не слушал его — как отец Сергей впоследствии мне признался, он в это время решал другую задачу: подписывать или не подписывать — он вообразил, что ему сейчас предложат этот документ подписать. И так он пропустил все мимо ушей, находясь во внутреннем борении под удавым взглядом сенбернара, который там сидел... Эти чтения, конечно, были невероятны.

Потом устроили такое же у Анатолия Васильевича. Я думаю, что Анатолий Васильевич был несколько оскорблен, что ему вслух читают документ такой длинноты, и к концу чтения я почувствовал, что все уже накалилось до предела. Я знал, что сейчас будет взрыв. Но было поздно, мне надо было ехать за город домой, я сказал всем: «Арривидерчи» — и уехал. Как мне рассказывали, потом, когда кончилось это чтение, позеленевшие слушатели вскочили — и там началось побоище. Карелину говорили: «Что вы тут написали, гордыня!» — а он кричал: «Федор Студит тоже так говорил!»¹ И так далее. Было бурное препирательство — малоизящное и, в общем, совершенно бессмысленное.

¹ Преп. Феодор Студит (759–826) выступал против высших иерархов Византийской церкви, опираясь только на поддержку Римских пап.

В среде рядового духовенства это вызвало большой отклик. Я в то время учился на заочном. Приезжали священники из самых разных краев страны — многие слышали об этом по радио, собирали для них деньги и вообще были страшно вдохновлены их действием. Отношение изменилось лишь потом, когда выяснилась их диссидентская позиция. (Я тогда уже употреблял это слово, хотя в политике оно еще не присутствовало: я употреблял его на более законном основании, потому что диссиденты — это церковные раскольники, оппозиционеры церковные, а вовсе не политические.) Я им говорил, что диссидентская позиция не поведет, куда нужно. Но пока они все-таки еще считали меня «своим» и на торжественные молебны в честь месяца или еще какого-то юбилея этого дела меня приглашали. Но, конечно, Феликс там был заводилой. Это были бесконечные пророчества, без конца говорили, что вот-вот поднимется все православие и что патриарх Кирилл Болгарский¹ на каком-то званом обеде сказал нашему Куроедову²: «Что-то у вас непорядки, раз такие письма пишут». Впрочем, этим все и кончилось. Приходили к ним сочувственные письма из-за границы от отдельных частных лиц, присылали им деньги, помогали. Но, бесспорно, позиция ими была занята крайняя. Никакой поддержки на самом деле потом не оказалось. Все схлынуло и погасло.

Наступил решительный момент. Я думал, что очень важно было им сохраниться. Я их умолял сделать все, чтобы сохранить себя на приходах. Таким образом, письмо письмом — они войдут в историю, они совершили акт своей гражданской и церковной честности, — но они продолжали служить Церкви. Однако диссидентство начинало в них играть. Тут причины были разные. Феликс Карелин был просто экстремист, его несло. Фантастический человек. А Глеб — человек искренний и горячий. Что касается Николая Николаевича, то он — человек безапелляционный, и, заняв какую-то позицию, он всегда говорил: «Вот так, так, так», — авторитарный был человек и признать какую-то свою ошибку он не мог (в тот момент его это страшно подвело). Это я сейчас говорю не в осуждение — дело все давно минувших дней, — просто так, для истории.

Вызвал их Пимен — нынешний Патриарх — и предложил им написать объяснительную записку с тремя пунктами. Первый пункт, если не ошибаюсь, — не изменили ли они своих взглядов; второй пункт — что

¹ Патриарх Кирилл Болгарский (Константинов) (1901–1971).

² Куроедов Владимир Алексеевич — председатель Совета по делам РПЦ при Совмине СССР.

они собираются дальше делать, и третий пункт — не собираются ли они извиниться перед епископатом за нанесенное оскорбление. Вместо того, чтобы сесть и написать вежливое письмо: что мы никого не собирались оскорблять, что мы написали это с церковных позиций и с гражданских, и что, в общем, это скорее наше вопрошание, нежели обличение (хотя текст был очень обличительный, там было чуть ли не полторы страницы, или целая страница, цитат из пророка Иезекииля; хотя началось: «Нижайшие сыновья Святейшего Патриарха, пишем», — а потом они ему сообщили, что пишется в Писании и так далее). Но они не стали этого писать, а пошли к Феликсу, который им, я полагаю, надиктовал резкий ответ (или вдохновил на него): что взгляды наши не переменились, что все у нас точно. Получилось даже как-то обвинительно.

На другой день они были запрещены — временно, на какой-то срок. Они ответили обличением Патриархии — что их незаконно запретили. И тогда уже не лично Патриаршим, а синодальным постановлением — весь Синод собрался — их запретили. Причем члены Синода, которые подписались, — я потом выяснял, мои друзья спрашивали, — никогда их не видели, ни отца Николая Эшлимана, ни Глеба Якунина, и вообще в этом деле не разобрались и даже как-то, по-моему, им не интересовались. Один из этих архиереев (по-моему, ныне покойный) ехал с моим другом в машине, когда ему кто-то сказал: «Что ж вы подписали, погубили двоих ребят — они все-таки молодые были, горячие, надо было с ними как-то поговорить». — «Да, да, — ответил он, — да мы-то их не знали». В общем, никто, кроме Пимена, даже в глаза их не видел. Пимен, когда вызвал Эшлимана впервые, первое, что ему сказал: «Так-то вы меня отблагодарили, Николай Николаевич!» — потому что он очень многое сделал для его рукоположения, буквально протаскил его в Москву — всеми правдами и неправдами. А тот сказал: «Я вам лично ничего плохого сделать не хотел, но я должен был засвидетельствовать...» На что Пимен сказал словами, смысл которых я могу передать приблизительно как «плетью обуха не перешибешь» — что тут сделаешь — и так далее... Так они и расстались.

Когда прошло уже длительное время, я вижу, что западная пропаганда о них забывает, церковные круги здесь постепенно от них отходят, в общем — не получилось ничего. Мне было очень жалко, что они потеряны для Церкви... Поэтому я на свой страх и риск пошел к митрополиту Никодиму, зная, что это единственный человек, который способен вести диалог, и сказал ему: «Владыка, я этих людей знаю, это люди

хорошие, выступали честно и искренно. Я считаю, в ваших интересах, как Председателя иностранного отдела, этот инцидент ликвидировать, но думаю, что ликвидировать это иначе как личными контактами невозможно. Политика показывает, что личные контакты делают больше, чем любые взаимные проклятья и тексты. Не согласились бы вы встретиться?» Он говорит: «Я с удовольствием встречусь!» Я говорю: «Ваше преосвященство, я им не сказал, что я к вам пошел, — пошел я к вам на свой страх и риск, потому что если бы я им сказал, то, может быть, они бы начали протестовать, а так я явочным порядком им скажу».

И отправился я с одним священником, своим знакомым, к ним. А там у них, как всегда, было собрание — у них непрерывно было заседание кворума, в который входили Капитанчук¹, Регельсон и другие. Я докладываю: «Отцы, Патриархия в лице митрополита Никодима хотела бы с вами поговорить. Я был там» — и так далее. Они говорят: «Ну зачем ты был! Вообще незачем с ними разговаривать, мы не желаем с этими типами иметь дело и вообще разговаривать с ними». Я говорю: «Вас не убудет, ну пойдите, поговорите — ни разу вы ни с кем не вступили в диалог, нельзя же так... Ну, пускай они злодеи-негодяи, но вы-то тоже люди — пойдите и...» «Нет! Ни за что, ни за что, ляжем костями и вообще... даже говорить с ними не будем. Это же мразь и мелочь какая-то!»

Я, конечно, оказался в дурацком положении — пришел и говорю: «Владыка, они не хотят. Мое желание было, конечно, — но они не хотят. Ничего не поделаешь...» — «Ну, нет — нет. Я, — говорит, — сам...» Начал мне говорить разные вещи: «Я, — говорит, — хочу быть Патриархом, потому что пока я единственный, кто способен на это дело, а они... напрасно они думают, что они одни идейные, я тоже был... из неверующей семьи, из партийной, и вот я обратился, я пришел в Церковь, но мы же не можем [допустить], чтобы государственные и церковные законы противоречили друг другу?» Я говорю: «Конечно, не можем, да никто этого и не требует вовсе, и вообще речь идет о том, чтобы как раз соблюдались законы — государственные и церковные». В общем, он это пропустил мимо ушей. В основном он говорил, что должно быть полное согласие. Ну я, в общем, не отрицал этого — я и сейчас не отрицаю! Раз уж существует государство, есть у него законы, какие ни есть, — надо с ними считаться, это бесспорно.

¹ Капитанчук Виктор, реставратор икон, участник правозащитного движения, секретарь Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

Впоследствии, когда разные официальные лица мне говорили: какие злодеи у вас эти Эшлиман и Якунин, — я им отвечал, что злодеи — те, кто вызвал, спровоцировал их на это письмо. Те лица на местах, те частные персонажи обкомов и еще каких-то учреждений, которые осуществляли эти закрытия... Хрущевские инструкции — они создали ситуацию, которая породила это письмо. Вот кто виновник. Виноваты не те, кто протестует против нарушений, а нарушители.

Дальше начался некоторый застой, потому что они в своей группировке начали отрицать нашу Церковь все больше и больше. Патриарха они называли только по фамилии — Симанский, и, на основании теории, что митрополит Сергей был незаконный, они говорили, что и Патриарх Алексий незаконный. Хотя все это совершенно не связано с понятием законности. Незаконность одного Патриарха не влияет на законность другого. Был Собор — и все. Не существует общепризнанных канонов, как избирать Патриарха, значит, никто не может претендовать на законность или на каноничность. Они не признавали Патриарха — ездили все время в Грузинскую церковь, общались с грузинским Патриархом¹, и тот к ним относился очень хорошо, давал им деньги. Ему все равно было, старику, — там же вообще, по-моему, нет законов, ни церковных, ни гражданских. Полный произвол. Им понравилось туда ездить, они без конца ездили в Новый Афон, облюбовали несколько мест и жили там.

И все время у них были радения: то есть разговоры «за сухим или мокрым», воспаляющие друг друга, когда все приходило в состояние накала: «Вот поднимется, вот начнется». В такой среде быстро

Митрополит Ленинградский и Новгородский
Никодим (Ротов)

¹ Ефрем II (Сидамонидзе) (1896–1972),
предстоятель Грузинской православной
церкви.

развиваются апокалиптические веяния, и Карелин, который всегда жил этими апокалиптическими веяниями, тут же во все это вонзался, начинались размышления над книгой Даниила, над Апокалипсисом — то, с чем Феликс уже раньше в Москву явился, — накаленная, нездоровая атмосфера. Я ждал, что вот-вот они просто душевно сорвутся. Тогда я, чтобы как-то занять их и к тому же занять некоторых наших ребят-прихожан, предложил им: «Вы все равно собираетесь, выпиваете. Зачем вся эта говорильня, ведь у нас огромный изъяс у всех: все толкуют про богословие, но богословски невежественны ужасно — все, в том числе и вы. Давайте начнем хотя бы изучать богословие». Меня всегда угнетает невежество — всякое. Когда начинают говорить, а сами вообще не знают, о чем идет речь.

Хорошо! Прекрасно! Было встречено бурно. В комнатке около Хамовнического храма собрались все. Были там мои прихожане, ребята, и отцы, и Карелин... Он произнес тут же торжественную речь, от которой меня стошнило: сказал, что открывается «частная духовная академия» и он — «ректор академии». Я еле перенес всю эту ситуацию и больше ни разу не переступил порог этой комнаты, сославшись на занятость. Я просто не мог больше всего этого выносить — душа не принимала.

Мне был представлен на утверждение план их занятий. Так, по названиям, все вроде было похоже на богословие. Стали они изучать, и читать, и прочее. Потом, с каждым разом, я чувствую по своим прихожанам, что они дуреют. Феликс — человек очень способный, талантливый, быстро схватывал все. Он из обрывков того, что читал, строил какое-то свое, очень своеобразное, схематическое, параноическое, апокалиптическое богословие. Там были интересные ходы, но в основном это были синтезы, схемочки — схемочки, цифры одна на другую накладывались. Что-то было в этом тягостное и неприятное. И потом я начинаю слышать от ребят какие-то мракобесные заявления. Я говорю: «Где это вы нахватались такого?» — «А вот, мы там...» — и так далее. Я не буду сейчас называть имен тех, кто там присутствовал, потому что все — хорошие люди и пускай они сами обо всем расскажут.

А дело — все хуже. И тогда я уже начал сопротивляться, я говорил, что все это совершенная чепуха. Потом меня задело следующее: перепечатали какую-то религиозную книгу, я уже не помню, какую, но совершенно невинную, — и вдруг кто-то из мальчиков мне заявляет: «Цензура ее отклонила». Я говорю: «Что это за новости такие? кто там

цензура?» Оказалось, эта «академия» уже породила цензуру: Карелин сказал, что эту книгу — «нельзя». И вообще там с таким смаком стали поговаривать об инквизиции. Все катилось в сторону какого-то патологического фанатизма.

Я больше к ним никогда не ходил. Сам я был целиком занят в новом, очень многолюдном приходе — в это время (в 1964, 1965, 1966 году) у меня получился первый «демографический взрыв». Ввиду того, что у меня не было никакого пристанища, где я мог бы поговорить с человеком, я должен был ходить, гулять, я разговаривал на дорогах, разговаривал на хорах с людьми, и было это страшно тяжелое дело. А народу все прибывало и прибывало, я еще даже барьеров никаких не ставил. Причем появлялись люди разные, нужные и ненужные, хорошие и — странные. Тогда, по-моему, появились Агурский¹, который был приведен какими-то непонятными веяниями, Геннадий Шиманов² — он пришел ко мне в сопровождении семи девиц и спрашивал меня, не католик ли я... Сказал, что я человек недоверчивый (я с ним говорил только шутками и ничего не ответил, потому что он произвел на меня странное впечатление).

В это время было очень много интересных встреч. Тогда я впервые познакомился с Марией Вениаминовной Юдиной³. Была выставка работ человека, который был мне дорог с детских лет, — Василия Алексеевича Ватагина, скульптора-анималиста, мистика, правда, с немножко теософским уклоном. Выставка его произведений была на Кузнецком

¹ Мэлиб (Мелик) Самуилович Агурский (1933–1991). К моменту их встречи — кибернетик; впоследствии диссидент, отказник, историк, политолог, публицист, один из авторов сборника «Из-под глыб». Под его фамилией о. Александр сдал в печать (1965) рассказ «Виноградник Навуфея» в сборник «Вавилонская башня и другие библейские предания» (М., 1990).

² Геннадий Михайлович (Генмих) Шиманов (р. 1937), православный публицист, националист и государственный, автор и редактор самиздатских журналов; о. Александра всегда упоминал полемически. К моменту их встречи мировоззрение Шиманова

как русского националиста еще не сформировалось.

³ Мария Вениаминовна Юдина (1899–1970), пианистка, религиозный мыслитель. В юности помимо музыкальных занятий посещала в родном Невеле философский кружок, участником которого был философ и филолог Михаил Бахтин. В 1919 г., именно тогда, когда перед евреями-атеистами открывались большие возможности для продвижения в обществе, она приняла крещение. В круг ее общения входили многие выдающиеся люди, такие, как о. Павел Флоренский, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Владимир Фаворский.

мосту, и я получил пригласительный билет с трогательной надписью: «Отцу Александру иже и скоты милующему, от зверолюбца Ватагина...» На вернисаж я пришел с мамой. Вдруг подходит к нам странная женщина, похожая на композитора Листа в старости (или что-то в этом роде), беззубая, с горящими глазами, огромная голова, белый воротничок пастора и черная хламида. Я посмотрел на нее с полным изумлением. Это оказалась Юдина, знаменитая пианистка. «Мне говорили, что вы хорошо обращаете людей». — Это о нас с мамой. Я ответил, что не очень люблю это слово, что обратиться (словно завербовать) никого нельзя. Что это происходит в самом человеке. Мы же можем только помочь.

Поговорили о Ватагине. Мария Вениаминовна его тоже любила. Вскоре она приехала ко мне в церковь. Она с горячей симпатией отнеслась к настоятелю о. Серафиму Голубцову, поскольку он был родным братом нашего с ней покойного духовника о. Николая Голубцова. Но скоро он оттолкнул ее своим резким осуждением письма Эшлимана и Якунина. Мария Вениаминовна была всегда на стороне тех, кто против. Однако в храм к нам продолжала ходить, часто причащалась.

Мы с ней подружились. Она была, несмотря на свои причуды, исключительно умна — я уж не говорю о том, что это была женщина огромного музыкального таланта, это не мне судить, но ее игра поражала даже профанов. Она приезжала ко мне в Тарасовку, и мы часами гуляли вокруг церкви. Нередко мы с ней вместе ходили по требам. Странная это была пара: тридцатилетний священник и женщина с палкой, в кедах, в черном балахоне, похожая на старого немецкого музыканта, выходца из какого-то другого века. Характер у нее был порывистый и экзальтированный, но ум ясный и тонкий. Говорить с ней было одно удовольствие, потому что мысль ее была живой, ясной, полной искр. Она все понимала с полуслова, всем интересовалась, была, как говорят, «молода душой». Увы, я забыл, о чем мы говорили, хотя тем было много. Сама она рассказывала о Пастернаке и других своих друзьях.

Ей очень хотелось провести цикл концертов «для Церкви», с пояснениями. Ее представления об официальном церковном мире были довольно наивными. Но я все же поговорил с нашим академическим секретарем о. Алексеем Остаповым, человеком широким, любящим искусство и очень влиятельным. Он с готовностью согласился устроить концерт в Академии. Концерт прошел хорошо, все были в восторге. Она говорила прекрасно, но в ее словах были уколы в адрес атеистов, что и привело к табу на дальнейшие выступления.

Мария Вениаминовна Юдина. Рис. В. Дувидова

С Надеждой Яковлевной Мандельштам в Семхозе

Вскоре ей разрешили устроить вечер в Зале Чайковского. Она прислала билеты о. Алексею, мне и другим из Академии, таким образом, в зале собралось много церковной публики. Мария Вениаминовна позвала меня в уборную и в присутствии женщин, которые перевязывали ее потрескавшиеся пальцы, просила благословить ее...

Было в нашем общении печальное событие. Она познакомилась у меня в церкви с молодым человеком Е. Т. (впоследствии эмигрировавшим писателем) и очень привязалась к нему. Но потом он взял у нее «Столп» Флоренского и исчез. Она умоляла меня вернуть книгу. Была очень расстроена. Потом все уладилось, но с ним она порвала... Умерла Мария Вениаминовна внезапно. Говорят, что на нее страшно подействовал второй брак ее крестницы Н. С., которая вышла замуж за Солженицына. Она категорически была против (между тем как Н. Я. Мандельштам сказала, что Солженицын «тоже имеет право на счастье»). Отпевали ее в Николо-Кузнецкой.

Я все больше отходил от группы Карелина... Было много интересных и замечательных людей в то время. А сам я был целиком занят писанием книжки «Дионис, Логос, Судьба», а также переделкой книги «Магизм и единобожие». Это занимало у меня все оставшееся время. А по средам у меня собирался народ: чтобы избежать большого наплыва, я сделал среду как бы открытым днем, и ко мне домой приходило по двадцать пять–тридцать человек. Я чувствовал, что гибну, что поговорить уже ни с кем нельзя, и люди приходили какие попало. Правда, было интересно, потому что приходили и многие нужные люди — то есть люди, которым это было нужно. Но иногда приходили праздные совопросники, иногда приходили вообще совершенно посторонние — кто-то приводил... Я с содроганием смотрел, как из-за занавески — у меня кабинета не было, я был в «аппендиксе» — появлялись какие-то личности совершенно неведомо откуда, садились, спрашивали меня Бог знает что (мне было легко ответить на эти вопросы).

Потом, довольно скоро — через пару лет — я не выдержал и это дело пресек. Впоследствии я получил за эти «среды» возмездие: один эмигрант написал статью «Отец Александр Мень», где описал «журфиксы». Журфиксов не было, а просто — чтобы не приходили каждый день, я сказал, что я только один день дома. А потом я просто «поднял все мосты над замком» — и все. Конечно, жизнь была страшно насыщенной, до предела, и, конечно, многие события сейчас из памяти ускользнули...

В это время я познакомился с «Костей» [А. И. Солженицыным]. Дело было так. Мне довелось прочесть рукопись его книги, которая меня очень удовлетворила. Мы с одним священником, отдыхая на острове летом, прочли ее и решили с ним повидаться. Один наш коллега знал его и обещал встречу. Переговоры шли через отца Димитрия Дудко. И вот мы сели в машину и поехали — тот коллега, Дудко и я. Приезжаем. Коллега наш трепещет. Спрашивают: «Кто там?» — а он кричит: «То, что надо, то, что надо!» Тот человек совсем растерялся, но в конце концов нас выпустил, и мы потихонечку оклемались, с удивлением и недоверием глядя друг на друга. Потом появился «Костя». Я ожидал по фотографиям увидеть мрачного «объединенного волка», но увидел очень веселого, энергичного, холерического, очень умного норвежского шкипера — такого, с зубами, хохочущего человека, излучающего психическую энергию и ум.

Мне приходилось встречаться с разными писателями — с Дудинцевым и другими; но они не производили впечатления умных людей. Многие из них интереснее были в том, что они писали. А этот был интереснее как человек, сам по себе. Он быстро схватывал, понимал, в нем было что-то мальчишеское, он любил строить какие-то фантастические планы. У него была очаровательная примитивность некоторых суждений, она происходила от того, что он сразу брал какую-то схему и в нее, как топором, врубал... У нас был очень живой разговор, в котором я подметил, что он очень здорово зациклен на своих темах (я это не осуждаю, а приветствую): он мог все равнодушно пропускать мимо ушей, но едва только раздавались слова, бывшие ему как позывные сигналы, — он сразу вставал, сразу оживал. Когда Дудко сказал, что сидел в таком-то лагере, так он сразу поднялся: «Что? Как?» — и тут же в записную книжечку стал записывать.

Впоследствии по Москве ходили слухи, что он был моим прихожанином, чуть ли не духовным сыном, мне даже вчера кто-то так говорил. Это совершенно ложное представление. Дело в том, что, когда я с ним познакомился, он даже христианином не мог называться. (Это был 1966 или 1967 год.) Он был, скорее всего, толстовцем, и христианство для него было некоей этической системой, это можно видеть по некоторой его продукции. Он читал тогда некоторые мои книжки — в частности, «Откуда явилось все это» (тогда она была сделана в виде фотографий, фотокнижки)¹, она ему понравилась; а когда речь шла о «Небе

¹ Издана под псевдонимом: А. Павлов.

«Откуда явилось все это?». Napoli: Edizioni Dehoniane, 1972.

на земле», то он говорил: «Ну, это невозможно, — это все какие-то крылышки, ангелы...» — видно, все это было от него очень далеко. Мне приходилось с ним говорить о символике, о таких вещах...

Потом у него возникла идея построить храм: он должен был получить деньги за какие-то свои работы и говорил, что завещает построить храм, напишет на меня завещание. Я только посмеивался в усы и говорил, что — какие уж тут храмы, тут старое надо суметь сберечь... А он говорит: «Нет, поедem!» — Ну ладно. Он со своей первой женой приехал ко мне; мы сели в машину и объездили область, выбрали под Звенигородом очень красивое место: вот, здесь будет стоять — «здесь будет город заложен назло надменному соседу»... Меня это очаровало — очаровала такая уверенность в том, что — «будет по воле моей». В общем-то люди, так устремленные к своим целям, всегда достигают их. И когда-нибудь, я думаю, на этом месте будет что-нибудь стоять. Он просто, как пророк, видел все это очень близко, ему казалось, что завтра уже — «с вещами». Мы уже чуть ли не измеряли место.

Я был готов — ну что ж... Он просил найти ему архитектора — я нашел человека, который стал делать ужасные, фантастические вещи¹. Но я это сделал, чтобы поддержать этого человека морально (потом он стал эмигрантом и очень печально кончил). Проект храма он сделал совершенно шизофренический, какой-то кошмар, — и говорил, суя мне это в нос: «Это гениально, это сердце всего мира, это боль всего мира!» Я чувствовал себя великомучеником и думал, что часть моих грехов мне уже прощена.

Потом, когда «Костя» совершил свой первый «церковный акт»², я ему написал, умоляя его ничего этого не делать. Я говорил ему, что он не разбирается ни в церковной ситуации, ни в чем, и только наделает ляпсусов. У него есть одна особенность, которую он разделяет со многими выдающимися людьми. Там, где он может и знает, он находится на гениальной высоте, — но там, где нет, он сразу «дает петуха». «Петуха давал» и Лев Николаевич — ничего удивительного в этом нет. Но я понимаю бурную натуру, которая не ставит себе таких барьеров, которая и там, где она дает петуха, идет спокойно, не оглядываясь.

Помню период, когда у него была трагедия, когда он боялся, прятался. Держался он, в общем, достаточно мужественно. Помню начало его романа — второго. Очень легко могу понять, как все это

¹ Речь идет о художнике Юрии Титове.

² Имеется в виду так называемое «Великопостное письмо» А. И. Солженицына

патриарху Пимену с критикой Патриархии. См. «Вестник РСХД», 1972, № 103, I.

Александр Исаевич Солженицын, Юрий Титов и о. Александр...

получилось: отчуждение от первой жены; вторая — очень умная, хорошая женщина, которая беззаветно была ему предана. Все это получилось естественно.

Я в это время находился в Тарасовке. «Костя» приезжал иногда к нам в храм. Он тогда был очень мало известен — только в весьма узких кругах. Книги его даже еще не вышли, за ними охотились, как я уже рассказывал, и сам я попал в эту историю (хотя, надо сказать, я их в то время еще не читал и не держал). Я помню один случай, когда мы вышли с ним из храма и пошли по полю. И вот, остановился какой-то человек и стоял — провожал нас взглядом до самого конца. Это не был «агент». Я все время думал: кто этот человек, который, по-видимому, его узнал. Это было очень странно... Кто мог узнать его, человека, фотографии которого еще нигде не печатались в то время, человека, никому не известного. Он тогда сильно изменился, отпустил бороду — вряд ли могли его узнать. (Причем этот человек находился от нас на большом расстоянии, метров четыреста.) Пока мы не проделали всего пути от церкви до ворот, он стоял и смотрел на нас. А может, он смотрел на меня — тоже не исключено, я ведь был в рясе...

Как раз в это время снимали фильмы со мной — о спорте (который потом «зарезали») и о любви.

Известный режиссер Калик¹, который теперь уехал, снимал фильм, он назывался «Любитель». Там, в промежутках между сценами, шли диалоги, снятые прямо на улицах и в домах: что думают о любви разные люди. Были засняты молодые люди на танцплощадке, журналисты за водкой, профессора, студенты, рабочие у станка. И Калику пришлось в голову снять священника. Бригада-«ух» явилась ко мне в церковь (это было как раз в то время, когда мы встречались с «Костей»), и говорят: «Так и так, мы снимаем; но мы сделаем исключение: мы всех снимаем скрытой камерой, а вы будете видеть камеру, магнитофон и будете говорить». «Конечно, — сказала я, — с удовольствием вам скажу все, что нужно, но, разумеется, не надейтесь, что эти кадры пройдут». А сам подумал: «Пусть орлы послушают что-нибудь». Так и договорились.

Они пришли через несколько дней, провели эти бесконечные провода, опутали ими весь наш огромный храм, раскокали там лампы. Сорок пять минут я им докладывал и отвечал на их вопросы. Они уже, конечно, про любовь забыли и спрашивали обо всем на свете. Я это

¹ Михаил Калик. Фильм «Любитель» (Молдова-фильм, 1968).

знал и воспользовался — и не зря, потому что все это было отснято и много раз пускалось на студии Горького крупным планом.

Я потом был приглашен на студию Горького и посмотрел: мне было интересно, как это у меня получалось, я заметил все дефекты речи. Куски были врезаны в фильм, все было нормально. А потом Калику сказали: «У тебя поп получился лучше всех, и поэтому надо его вырезать». Впрочем, фильм этот так до широкого экрана, по-моему, и не дошел, но его пускали узким экраном. Этот фильм, в частности, показывали на работе у моего брата. Калик сам выступал перед началом и сказал: «В Москве есть семь священников-бунтарей (где-то он набрал это священное число, какая-то чушь), я взял одного из них (почему я бунтарь, тоже непонятно) — и вот, он, в частности, тут говорит».

Спрашивали меня не только о любви. Я сказал: «Никаких вопросов заранее, все сразу, с ходу, чтобы не было ничего надуманного, придуманного мною, а прямо так». В частности, они меня спрашивали: «Почему сейчас упадок нравов?» Я говорю: «А вы считаете, что раньше было лучше? Я до революции не жил, поэтому не знаю. Но если вы считаете, что раньше было лучше, то я вам отвечу: если это так, то, с моей точки зрения, это духовный упадок» — и дальше объяснил, в чем он заключается. Вообще, они мне задавали всякие вопросы, и даже провокационные, но видно, что без всякого злого умысла, а просто им очень хотелось узнать. Я на все это отвечал.

Фильм «зарезали».

Когда это дело лопнуло, другие стали снимать про спорт. Это был цветной фильм, широкоэкранный. Они тоже приехали ко мне, и я, уже в другой позиции — во весь рост на фоне храма, — говорил о спорте. Мне сказали, что я там получился еще удачнее, и поэтому убрали все — совсем¹. Это даже и не вошло в фильм — было сожжено, наверное...

В этот период я усиленно учил иврит, усиленно переводил куски из Пророков, усиленно готовился к писанию книги о пророках и параллельно занимался всякими другими вещами, которых было много. С 1968 года мои книги впервые стали печатать². Правда, в 1967 году вышла книга Франциска Сальского. В двух словах, история была такова. В 1955 году в Сибири я нашел книжку 1818 года Франциска де Саль.

¹ Элем Климов снимал о. Александра для кинофильма «Спорт, спорт, спорт». Запись оказалась размагниченной.

² Первая книга А. Мень «Сын Человеческий» вышла в Брюсселе в 1968 г.

У храма в Тарасовке

Со съемочной группой фильма «Любить» у храма в Тарасовке (справа от о. Александра сидит Инесса Туманян, сохранившая фильм от уничтожения)

Она мне очень понравилась, я решил обязательно сделать ее достоянием читающей публики. Вернувшись в Москву, я нашел французский подлинник, моя тетка сделала перевод. Мы его пустили среди людей, и он впоследствии дошел до брюссельского издательства «Жизнь с Богом», где книга и вышла с предисловием одного из наших московских людей¹. А в 1968 году я впервые держал в руках книжку «Сын Человеческий» — не веря своим глазам и ушам. Она шла анонимно, псевдоним «Андрей Боголюбов» издатели в Брюсселе придумали сами. И как раз в это самое время у меня наступают два кризисных момента. Момент номер один — это доносы, которые на меня пишет настоятель, доносы чудовищные по своей убойной силе. А второе — полный кризис в группе Эшлимана, Феликса и других.

В общем, я чувствовал, что разрыв неизбежен — разрыв с людьми, которые просто уводят наших ребят куда-то в сторону. Случилось это на Рождество 1965 или 1966 года, когда мы были приглашены к ним. Там присутствовали Регельсон, Капитанчук, они нас принимали с торжественностью, спрашивали, как нравится убранство — они навешали всяких символов, все это была детская дурацкая игра. И потом за столом Феликс произнес проповедь — именно проповедь — на моральную тему, причем почему-то это совпало с его собственными жизненными ситуациями совершенно противоположными, так что все это выглядело не только искусственно, но и фальшиво. На всех надели картонные короны, и у меня была такая мысль: сидят люди околпаченные. Я, разумеется, отказался, но на бедного моего друга, который со мною был, — тоже духовное лицо — все-таки умудрились напаялить это дело. Я потом просто ушел оттуда.

Через несколько дней у нас с Регельсоном произошел такой разговор: «Мы в разных церквах», — сказал он. Я ответил, что Церковь только одна и что вообще Феликс их губит, что его подослал либо ГБ, либо сатана — только я до сих пор не могу решить, конкретно кто. Ну, Регельсон, конечно, совсем разъярился. А тут еще одна женщина сказала, что она якобы видела Карелина в тех местах, где не следует видеть, — в какой-то приемной на Лубянке или что-то в этом роде... Это был миф, как потом оказалось. Я это и воспринял как миф, но сказал об этом, что такие вещи «ходят», потому что это — либо прямо сатана, либо сатана через руки врагов. Иначе не могло быть — такая дикая, абсурдная ситуация создавалась.

¹ Авторство предисловия не удалось выяснить.

Тогда Феликс явился ко мне, чтобы выяснять отношения, и мы ночью, после всенощной, ходили вокруг храма, а я его поддразнивал: вокруг нас кругами бегала собака, и я ему говорил, что это Мефистофель, который некогда пуделем ходил вокруг Фауста, — Феликс быстро, лихорадочно крестился и оглядывался по сторонам. Я ему сказал, что он принес нам огромное зло, что он частично разрушил наш приход, что он замутил голову нашим ребятам. А он сказал, что я не доверяю ему, что он ходил ко мне на исповедь, а теперь я все это предал, потому что я ему перестал доверять. Я промолчал, я не хотел ему говорить, что человек, который работал агентом в течение ряда лет, человек, который был убийцей и провокатором, не может претендовать на прозрачность стеклышка. Разумеется, у нас были основания всегда подозревать его в чем-то.

Хотя вообще я никогда не подозревал его в неискренности. И впоследствии я полностью убедился, что все подозрения относительно его нечестности были напрасными — он был совершенно честен. Я вам сейчас расскажу, при каких обстоятельствах я в этом убедился.

Где-то в 60-х годах у нас с ним происходит полный разрыв. Я поставил ребят перед выбором: либо вы с ним, либо вы в нашем приходе. С ним остаются двое: Капитанчук и Лев Регельсон; все остальные прижимают к нашему приходу — в общем, от Карелина отходят. Естественно, с ним остаются Глеб и Николай Эшлиман, хотя с ними я продолжаю поддерживать отношения, но они все реже ко мне приезжают, и отношения у нас становятся все более и более холодными. Году в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом, кажется, на каком-то торжестве, мы разговариваем с Николаем, и он говорит: «Феликс — человек Божий, посланный свыше», — он говорит вот такие слова. А через три месяца он приехал ко мне и сказал: «Это сатана, и вообще я с ним порвал».

Что же там произошло? Там произошло следующее. Группа, состоявшая из Николая, Глеба, Феликса, Капитанчука, Льва Регельсона и еще кого-то — я уже не помню, — без конца заседала у Николая в саду, в домике. Обсуждали, горячились, выпивали, мечтали... Жили мифами, жили, совершенно, полностью оторвавшись от действительности. Отсюда как раз и происходили все промахи в связи с письмом. Оперировали вымышленными ситуациями, слушали западное радио, которое еще больше подогревало фантастические картины: что все православие поднимется, все перевернется, раскол, и так далее... [...] Именно в то время

Рождество 1968 г. Слева направо в нижнем ряду: Павел Мень, Евгений Барабанов, о. Александр, Елена Иващенко (кузина о. Александра), в верхнем ряду: Наталия и Илья Вьюевы, Наталия Барабанова, Вера Яковлева, Марина Бессонова, Михаил Меерсон-Аксенов

я пытался вывести их на переговоры с Патриархией в лице Никодима, но ничего не удалось, как я уже говорил, — отчуждение было полное. Я был полностью занят работой, и приходской, и литературной. [...]

Вдруг — где-то в дороге — на них сошло озарение, что скоро приближается конец света и что в этом году будут те знамения, которые описаны в Апокалипсисе: будут землетрясения и так далее. Они собрали массу людей и стали их уговаривать. Лев Регельсон ходил по домам знакомых и всем упорно говорил, что скоро будет конец света или, по крайней мере, Москва погибнет. Я-то не придавал этому значения и уехал себе на озеро Селигер. А в это время наши тут сходили с ума — он подействовал на многих. Только Шпиллер успел их уберечь. На эту провокацию поддались три священника и двадцать мирян. Один священник, который туда поехал, бросил без всякого объяснения свой приход, его сняли со службы.

Все кинулись из Москвы, продавая свое имущество, и уехали на Новый Афон. Вокруг Нового Афона был создан миф, что это место

святое и там нет нечестивых... Ждали грандиозных событий, которые подвигнут к крещению массы. Они взяли с собой мешочки с крестиками, чтобы крестить толпы паникующих людей — хотя чего стоит такое, со страхом, крещение.

Когда я вернулся в Москву, то с ужасом узнал, что тут было такое смятение в наших рядах.

Были тяжелые переживания у всех этих людей, но — ничего не состоялось. Я впоследствии Глебу говорил: «Ты не видишь, что все это было иллюзорно?» Но он так упорствовал — как-то ему хотелось в это верить. Так что он не отказался, а просто постепенно терял к этому интерес.

Потом они говорили, что не указывали точного времени, хотя мне передавали, что указывали — не только приблизительное время, но и число. (Сейчас это продолжается: некто Зайцев продолжает терроризировать людей по той же модели и многих людей побуждает креститься из страха, что приближаются грозные события, кто не будет крещен — погибнет. Причем, и кто будет крещен не в евангельском духе, а чисто механически — только отметить, что ты был крещен, — это уже тебе что-то гарантирует.)

После этого Эшлиман сказал мне, что все его представления о Феликсе как о Божьем человеке никуда не годятся.

Николай полностью от этого отошел. Но катастрофа была для него слишком великой, он просто не мог этого пережить. Я пытался его как-то поддержать, но с ним начались какие-то удивительные трансформации. Он душевно настолько изменился, что стал совершенно другим человеком. Я никогда в жизни не встречался с подобного рода метаморфозой личности. Весь слой его духовности — очень значительный, насыщенный мистицизмом — смыло начисто, и обнаружился изначальный слой, весьма поверхностный, и мы с ним, будучи перед этим довольно близкими, по-настоящему близкими друзьями — оказались людьми совершенно чужими, которые не только не понимали друг друга, но которым не о чем было говорить друг с другом.

Я сейчас вспомнил момент, когда я это понял. Я приехал через год на этот самый Афон — по следам робинзонов — разобраться, что к чему. И его туда пригласил. Он поехал раньше, встретил нас радостный. Я думаю: «Может быть, мы сейчас найдем путь к возвращению...» Но он только непрерывно пил. Кавказ, сухое вино... Он сидел, начинал о чем-то рассуждать... Без конца был на людях...

Мы сидели на берегу; он молчал — я понял, что мы разделены непроходимой бездной.

У него были депрессии, самые настоящие, тяжелые депрессии, которые он разгонял, только выпив. По некоторым признакам врач, к которым я его после этого устраивал, предполагали, что у него какая-то интоксикация туберкулезного типа, которая поражает и нервную систему; но это была только гипотеза. В больницу он попадал неоднократно.

Но Николай не был той открытой русской душой, которая способна покаяться! Он человек аристократичный, ему было страшно, мучительно, ему не хотелось встречаться ни со мной, ни с кем-то еще из своих церковных друзей — ему не позволял этого его характер. Он мог быть только «на коне». И это было самое тяжелое крушение человеческой судьбы, которое я когда-либо видел в жизни.

Я его звал, я ему писал неоднократно. Когда я узнал, что он странствует где-то — нашел себе другую семью и ушел из дома — я ему написал: «Может быть, это тебя останавливает? Так твои личные дела ничего не могут изменить в наших отношениях». Но — нет!

Потом, спустя много лет, на проводах Анатолия Эммануиловича Краснова, мы встретились. Я его сильно обругал: «Что ж ты так!» Он сказал: «Я обязательно, обязательно к тебе приеду». Сколько уж лет, как Краснов уехал...

Иногда до меня доходят слухи, что он в больнице... Ему неприятно и тяжело видеть своих церковных друзей, церковные темы сами по себе его коробят. Необычайной одаренности пастырь получил здесь непоправимый удар, который сшиб его с ног совершенно. Я считаю, что в этом в значительной степени повинен Феликс, который создал им эту истерическую атмосферу, а Николай был склонен к такой экзальтации. Я знал, что он не выдержит. Нельзя было ежедневно жить в ожидании конца света, ждать знамений и знаков.

Феликс остался рядом с Капитанчуком и Регельсоном, затем по очереди с ними со всеми разругался, остался один и сейчас, как мне известно, примкнул к неославянофилам, и теперь он — истинно русский человек. Он иногда появляется в церкви Ильи Обыденного. Отпустил длинную седую бороду. Регельсон, которого он от себя отставил, приехал ко мне в церковь. Я ему не стал напоминать наш разговор о том, что мы в разных церквях находимся, я ему сказал, что храм наш — открыт. Конечно, я не хотел, чтобы он возвращался в наш приход,

поэтому я не дал ему никаких намеков в этом направлении. Не хотел — почему? Потому что я видел, что это бесполезно; бесполезно было с самого начала, когда я только крестил его, — потому что он сразу стал мудрить свое, пошел со своими идеями. А это плохо. Человек не успел дослушать, не успел дочитать, как уже что-то «выдал». Так ничему никогда не научишься. Безнадежно...

Что касается Глеба, то он, конечно, впал в некую такую грусть после всего этого, но его спасла все-таки более крепкая натура, а потом он ввязался в диссидентство, потом принял руководство группой по защите прав верующих. В общем, если сказать честно, эта деятельность из всех видов деятельности, пожалуй, самая подходящая и родная душе отца Глеба. Мы с ним продолжаем изредка встречаться, по-прежнему любим друг друга и по-прежнему следим за судьбой друг друга, хотя внешне наши пути разошлись.

Из всей этой истории, из попытки создать некую церковную оппозицию можно сделать несколько выводов. Вывод номер один заключается вот в чем. Оппозиция возможна, только когда есть на что опираться. Во-вторых, для нее должны быть условия. Здесь же все было иллюзорно. Не было сил, на которые можно было опираться, не было условий. Мне казалось, что надо было непрерывно и терпеливо работать по выработке этих условий — хотя бы внутренних. Слишком тонкой была пленка из активных мирян, активных священников. Тогда активных священников на пальцах можно было пересчитать — десяток был (теперь их стало еще меньше). Надо было увеличить это число и работать на совесть. То есть я вовсе не хочу сказать, что я в принципе был против такого рода деятельности — нет. Но просто я считал, что она преждевременна. Считал, что ничего еще не сделано для того, чтобы уже можно было выступить. И хотя я всегда ценил мужество в людях, но у меня всегда вызывает какую-то тревогу курица, которая кудахчет, но снесла еще только одно маленькое яичко. На самом деле — рано, рано... Для истории каких-нибудь десять-пятнадцать лет — это ничтожно. После того как в течение десятилетий церковная жизнь была разрушена и сломлена, после того как в течение столетий в нее вносились различные очень искажающие ее вещи, — для того чтобы возродить ее, нужна была совместная, сотруди́ческая, упорная и терпеливая спокойная работа на местах, работа в приходах, работа с людьми — христианский труд.

Если уж обязательно нужно было выступить с каким-то заявлением, то надо было выступать при Хрущеве — после Хрущева это было уже не нужно. Если включаться в борьбу, то здесь скорее должны были действовать какие-то «подставные лица». В каком смысле «подставные»? Не «фиктивные». Это лица, которые ни на что другое не годились бы. Если бы письмо подписал не священник Эшлиман (фамилия эта мало украсила письмо), а некто Иванов, который бы просто соглашался с содержанием письма и дал бы свою подпись (все равно ведь не Эшлиман писал этот текст, а больше Феликс), то такие люди и несли бы за это ответственность — их бы не посадили за это письмо, но они имели бы за это какие-то неприятности. Пускай бы даже это были священники... Но такой человек, как Эшлиман, который столько мог бы сделать для Церкви, — был выбит из седла. И я все это воспринимал как сатанинскую акцию, которая разрушила начинающееся дело.

А после этого, пожалуй, мне уже трудно рассказывать о событиях, потому что внешних событий-то на самом деле не было. Глеб продолжал трудиться, Николай — «выпал», а я перешел в Новую Деревню¹. Как я уже говорил, в Тарасовке на меня был написан большой донос, но Патриарх Пимен — тогда он еще был только нашим митрополитом² — согласился меня перевести. Я написал, что донос этот — клевета чистой воды, и попросил меня оттуда перевести «ввиду сложившихся небратских отношений с настоятелем»³. А в объяснительной записке я написал, что никогда ничего не делал дурного настоятелю и не знаю, что его побудило это написать. Он же в своем доносе писал, что ко мне никаких претензий по службе не имеет и что все очень хорошо — только бы я не делал других вещей: ни с кем бы не разговаривал и так далее — не читал бы книг, не давал бы книг...

Кстати сказать, с этим настоятелем была очень интересная история — это было просто замечательно. Его дети совершенно отошли от Церкви, от веры (взрослые были ребята) — и вот однажды Великим постом он уговорил их все-таки прийти поисповедоваться. Ну, я взял ребят, а потом и племянника, стал их понемножку «обрабатывать». Они начали ходить в церковь, относиться с уважением к профессии отца —

¹ Новая Деревня — пригород г. Пушкино Московской обл., где в Сретенском храме о. Александр прослужил до дня своей гибели.

² Т.е. митрополитом Крутицким и Коломенским, управляющим приходами Московской области.

³ Речь идет об о. Серафиме Голубцове.

В Новой Деревне...

у них произошла некоторая короткая перемена. Естественно, давал им книжки... Так отец так испугался, что запретил им общаться со мной и все вернул на свои оси.

Когда в церкви узнали, что я перехожу, народ написал петицию Пимену, что они этого не хотят, так что ему пришлось прислать телеграмму на приход, что он меня не переводит. Все успокоились. Я был в очень тяжелом состоянии, потому что мне было очень трудно служить с настоятелем за одним престолом, мы с ним даже не разговаривали одно время — так до Прощеного воскресенья тянули. В общем, неприятно это было. Почти целый год мне пришлось с ним служить после этой истории.

А потом отец Григорий¹ захотел меня сюда, в Новую Деревню. Он специально приехал в Семхоз, «выудил» меня. Я-то на самом деле мечтал перейти сюда. Дело в том, что он периодически болел, и меня из Тарасовки, по соседству, приглашали сюда служить, так что я вместо него служил неоднократно. Познакомился-то я с ним еще раньше, когда мы с ним служили у владыки Киприана² — на его именины всегда приезжали архимандрит Ювеналий³, отец Сергей Хохлов, отец Григорий и аз, недостойный. Теперь Ювеналий — митрополит Крутицкий, отец Григорий умер, а Киприан и ныне там. И отец Григорий захотел, чтобы я к нему перешел — потому что его священник страдал «некоторой слабостью», и у нас просто состоялся обмен. Причем я никому не сказал, сделал это тайно, и мой настоятель страшно расстроился: он не хотел, чтобы я уходил, и был недоволен этим. Он просто хотел пресечь все мои недозволенные действия, а в остальном я его устраивал на сто процентов. Но его вызвали в епархиальное управление, мы там встретились, и я сказал ему: «До свиданья». — «Как, что?!» — «Все, уже указ есть».

Перешел я в Новую Деревню и уже целиком занялся работой: перестал бывать всюду, перестал ездить в Москву, стали гаснуть и обрываться все связи. Многие уехали⁴ — тут началась так называемая «алия». Уехал Меерсон⁵. Я не хотел, чтобы он уезжал, но у него сложилась такая личная ситуация, что он уехал. Уехал Глазов⁶, уехали многие. А были

¹ Прот. Григорий Крыжановский (1890–1977), до 1929 г. жил в Чехословакии, с 1950 г. в Албании, в 1962 г. вернулся в Россию.

² Архиеп. Киприан (Зернов) (1911–1987), в 1961 г. хиротонисан во епископа Подольского, в 1964 г. стал архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, но вскоре был отозван в Россию и до своей кончины оставался настоятелем храма Всех скорбящих радость на Большой Ордынке в Москве.

³ Митр. Ювеналий (Поярков) (р. 1935), с 1972 г. митрополит Крутицкий и Коломенский.

⁴ Речь идет об еврейской эмиграции, которую использовали некоторые

диссиденты, желавшие эмигрировать на Запад, некоторым из них власти указывали этот путь, угрожая отправить на «восток», т. е. уголовным преследованием.

⁵ Прот. Михаил Меерсон-Аксенов. В настоящее время настоятель храма Христа Спасителя в Американской православной автокефальной церкви в Нью-Йорке.

⁶ Юрий Яковлевич Глазов (1929–1998) — индолог, тамиловед, правозащитник. В 1972 г. эмигрировал, преподавал в университетах США и Канады; в своих воспоминаниях («В краю отцов», М., 1998) неоднократно упоминает о. Александра.

хорошие дни, когда собирались все у Гриши¹. Турчин² (который тоже уехал), он показывал свой кукольный спектакль с какой-то подоплекой... Мы с Померанцем рассуждали о метафизике, триединстве по отношению к разным мистическим системам... Все это ушло в прошлое: ночные путешествия по Беляеву-Богородскому³, по Ленинскому проспекту, и апостольские рейды по Москве, в которых меня иногда сопровождал Желудков — он очень хорошо это все помнит. Все это ушло в прошлое, потому что я понял, что это ничего особенно не дает, кроме усталости, а людей, которых нужно, Бог сам пошлет — тем более, что людей становилось все больше.

С местными властями обычно жил мирно. Временами до меня доходили сведения, что за мной следят. Но прямых столкновений не было. Было два обыска по случайным поводам. Одиозным стал обыск лишь после письма священников Н. Эшлимана и Г. Якунина. Существовал миф, что я автор письма. Потом прибавились и западные публикации. Но в них не было ничего политического. Я вообще считал политику вещью преходящей, а работать хотел в сфере непреходящего. Бывали статьи против меня (идеологические в «Науке и религии»), иногда имя мое мелькало в период гонений, но и все.

На вопрос архиепископа Киприана (Зернова), в целом хорошо ко мне относившегося, не диссидент ли я, — ответил: «Нет. Считаю себя полезным человеком общества, которое, как и всякое другое, нуждается в духовных и нравственных устоях». Среди людей, меня мало знавших, ходили обо мне легенды: оккультист, сионист, католик, модернист, агент властей.

Пожалуй, на этом мы можем и закончить, потому что с того времени ничего не изменилось.

¹ Григорий Соломонович Померанц (р. 1918), философ-эссеист, культуролог, критик, мемуарист и литератор. Участник войны, был дважды ранен, награжден. В 1949 г. арестован и осужден за «антисоветскую агитацию», в 1953 г. освобожден по амнистии, в 1956 г. реабилитирован. Автор многих книг. В частности, в книге «Великие религии мира» в создании главы «Сущий» принимал участие о. Александр.

² Валентин Федорович Турчин (р. 1931), математик, философ, публицист; работал в Институте прикладной математики АН СССР. В 1966 г. под его редакцией вышла книга «Физики шутят». В 1974 г. Турчин был избран председателем советской секции правозащитной организации «Международная амнистия». В 1977 г. эмигрировал в США.

³ В Беляеве-Богородском жили Ю. Глазов, М. Агурский.

С протоиереем Григорием Крыжановским в Сретенском храме Новой Деревни. 1976 г.